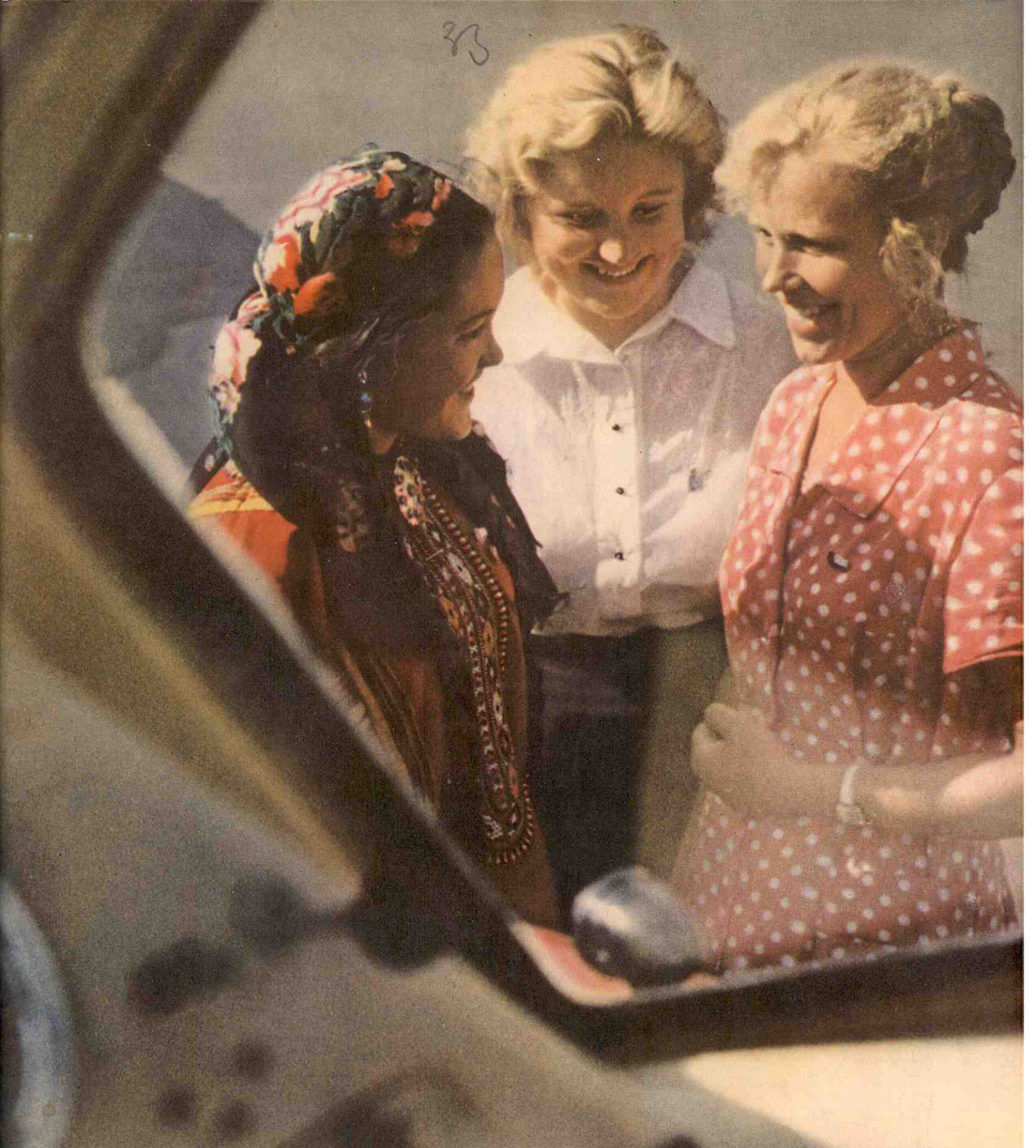

33

РАБОТНИЦА

АВГУСТ

1964

Кажется, совсем недавно пришли эти ребята в школу, и вот уже повзрослевшими уходят в большую жизнь... А завтра другие мальчики и девочки сядут за их парты, и Клавдия Михайловна Пономарева, десятки лет проработавшая в школе города Куйбышева, снова будет раскрывать перед ними мудрую книгу жизни.

Больших успехов тебе, советский учитель, в новом учебном году!

Фото Э. БРАЙНИНА.

ОЧЕНЬ ХОРОШО!

В. МАРКИНА,

депутат Верховного Совета СССР, мастер литейного цеха
Московского автозавода имени Лихачева

Кончилась сессия Верховного Совета СССР, и наутро я пошла на завод. Всего три дня не была в литейке, а чувство такое, будто давно не видала своих девчат. Наверное, так было потому, что за эти три дня много пришлось продумать, прочувствовать...

В цехе, на двери красного уголка, висело объявление: «В обеденный перерыв — беседа врачей». Пошли послушать. А когда наш цеховой доктор кончил беседу, литейщики попросили меня рассказать про сессию...

Я рассказала о докладе Никиты Сергеевича Хрущева, о том, как радостно было принимать Законы о пенсиях и пособиях колхозникам, о повышении заработной платы учителям, медикам, работникам жилищно-коммунального хозяйства, торговли, общественного питания — тем, кто обслуживает население. Конечно, мои товарищи уже знали об этих законах: ведь все следили за работой сессии Верховного Совета по газетам и радио. Но я понимала: хотят услышать хорошие новости еще раз от своего депутата.

Новые законы касаются жизни каждого из нас, автозаводцев. И не только потому, что у рабочих есть родные в деревне, колхозники. И не потому даже, что во многих семьях найдутся врачи, учителя, работники торговли. Дело не только в прямом увеличении семейных бюджетов. Все принимали новые законы как очень справедливые. Мы ежедневно пользуемся трудом, знаниями, заботами наших товарищей — в поликлиниках, школах, детских садах и яслях, в магазинах, столовых. Мы привыкли смотреть на работников этих учреждений как на членов нашего автозаводского коллектива.

Поликлиника автозавода имени Лихачева славится в Пролетарском районе Москвы. В ней принимают врачи всех специальностей, известные профессора приезжают консультировать больных. В основных цехах есть свои медпункты, к каждому цеху прикреплен врач. У нас есть своя больница, свой противотуберкулезный диспансер в селе Коломенском, профилакторий. Советская власть бережет здоровье рабочих. Как же не радоваться, что врачи получили новое доказательство всенародного уважения их труда!

Есть у нас на заводе свои учебные заведения: институт, техникум, школы рабочей молодежи. А сколько вокруг завода школ, в которых учатся наши дети! Нелегкую профессию учителя всегда почитали и уважали в народе. Мы отдаем в их надежные руки самое дорогое — своих детей. Верим, что учителя хорошо воспитают наших сыновей и дочерей, научат их добру. И вот теперь государство идет на дополнительные расходы, чтобы благородный труд

учителя оплачивался выше, достойнее. Верный закон!

Четвертая часть всех рабочих и служащих в стране — больше восемнадцать миллионов человек — получит прибавку к заработной плате.

А новый Закон о пенсиях и пособиях членам колхоза! Какой большой заботой о сельском труженике проникнута каждая его строка! Вспомните рассказы наших матерей, старых крестьянок о жизни дореволюционной русской деревни: пожалуй, не было горше доли, печальней судьбы, чем у крестьянина. Недаром самые тоскливые песни сложил народ о его доле. Сколько крестьянок старой России рожало в поле, работая чуть ли не до последней минуты! Сколько в старости нищенствовало, скиталось по деревням и поселкам! Давно покончено с прошлым. В колхозной деревне достаток. Есть родильные дома и специализированная медицинская помощь, детские учреждения. И вот теперь следующий шаг на пути улучшения жизни сельских тружеников: пенсии по старости, пособие по болезни, оплаченный отпуск по беременности.

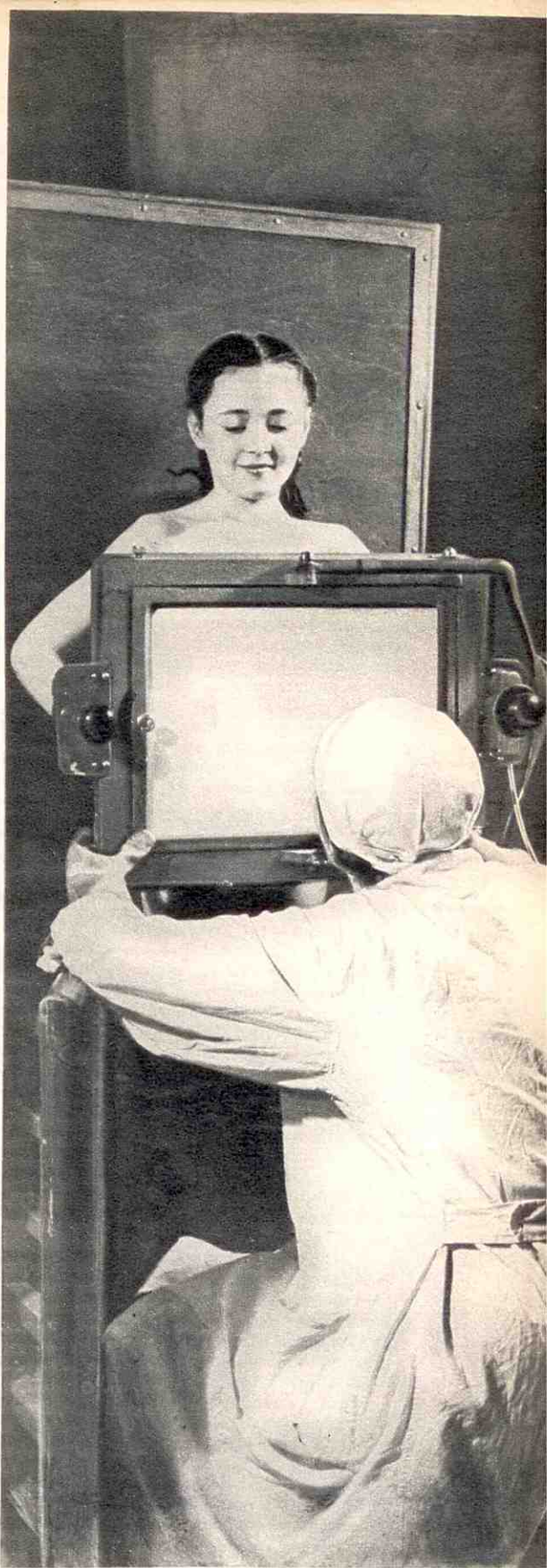
...Захотела высказаться и бригадир, мой близкий друг Герой Социалистического Труда Клавдия Давыдовна Емельянова-Щукина. Она тридцать лет работает на автозаводе. Ей уже за пятьдесят, по закону о пенсиях она, стерженщица, давно имеет право на отдых. Но не хочет, не может уйти из родной литейки. Человек с большим опытом, она назначена теперь инспектором по качеству литья.

Клавдия Давыдовна очень хорошо говорила о новых законах, о том, что они показывают всему миру, как заботится Советская власть о здравоохранении, образовании, о бытовых удобствах людей.

Я слушала Клавдию Давыдовну и вспоминала, как впервые увидела ее двадцать три года назад, когда по призыву комсомола перешла из конторы в цех. Началась война, и надо было заменить ушедших на фронт мужчин. Помню, как Клавдия Давыдовна помогала мне, учила любить нелегкий труд литейщиков.

Всех она подбадривает, для всех находит в трудную минуту и шутку, и улыбку, и доброе слово. Посмотрит на нее посторонний и подумает: счастливая, легко живет, веселая, энергичная, будто праздничная.

А жизнь не всегда баловала ее. Муж у Клавдии Давыдовны умер еще перед войной, и она осталась с тремя детьми и старой больной матерью. Теперь все

Все в порядке!

Фото И. ПЕТКОВА.

Журнал основан
8 марта 1914 года

РАБОТНИЦА

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
• ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» • Август 1964 г.

8

Пролетарии всех стран, соединитесь!

ребята выросли, выучились, встали на ноги. Внукам радуется. А тогда... Неизвестно, как бы сложилась судьба ее семьи, ее детей, если бы не помощь государства. Детский сад... Потом школа, группа продленного дня... Летом автотаволдские пионерлагеря... В зимние каникулы — опять путевки за город...

Много забот снимает с плеч трудящихся наше Советское государство. И мы так привыкли к этому, что порой и замечать перестаем, считаем все в порядке вещей, не представляем, как можно жить иначе. Привыкли, что, например, в нашей третьей литейке есть не только столовая и два буфета для рабочих, но и диетическая столовая. Привыкли, что врач есть в цехе. И если требуется специальное лечение на курорте, завком выделит путевку.

Моя дочка Наташа тоже была сперва в яслях, потом в детском саду на пятидневке. И ее летом вместе с другими малышами завод вывозил за город, на свежий воздух. Расти, Наташка, будь здоровой и крепкой! Всегда я была спокойна за нее, знала, что девочку вовремя накормят, умоют, спать уложат. В этом году она пойдет в первый класс. Из заботливых рук воспитательниц детского сада я передам ее в такие же добрые руки учителя. Конечно, мне было особенно приятно голосовать на сессии Верховного Совета СССР за новый Закон об увеличении заработной платы работникам детских учреждений.

— Ничего не жалеет для народа наше государство, — говорила Клавдия Давыдовна. — А откуда взять средства для таких расходов? Это мы с вами, товарищи, должны их дать, нашим трудом, перевыполнением планов, повышением производительности труда и снижением себестоимости изделий...

Слушала я эти слова и вспоминала речи депутатов на сессии Верховного Совета Союза. И они говорили о хозяйственном и культурном строительстве, о том, что нужно сделать для роста экономики и могущества Советского государства. Да, и в зале Большого Кремлевского дворца, и в красном уголке литейного цеха, у депутатов Советского парламента, и у моей подруги-работницы одни думы, одни радости, одни стремления.

В докладе Никиты Сергеевича Хрущева самая главная мысль такая: коммунизм строится для людей, и чем лучше будут жить люди, тем быстрее мы достигнем коммунизма. Врезались мне в память его слова:

«Рост материальной обеспеченности народа, укрепление здоровья населения, повышение его образования и культуры, улучшение бытового обслуживания трудящихся создают условия для подъема производительности труда, ускоренного развития производительных сил страны, создания материально-технической базы коммунизма. И чем энергичнее будем мы заниматься всеми этими проблемами, успешнее их решать, тем быстрее социализм победит в экономическом соревновании с капитализмом. Развитие экономики, повышение благосостояния народа — это самая важная, самая интересная для нас политика и идеология».

Мы видим постоянно, как сбываются эти слова.

Все делается так, как намечено в Программе КПСС.

Очень хорошо, товарищи!

А. И. Ульянова-Елизарова в 1900—1902 годах.

Старшая сестра ЛЕНИНА

Исполнилось сто лет со дня рождения Анны Ильиничны Ульяновой-Елизаровой, старшей сестры Владимира Ильича Ленина.

Она родилась всего три года спустя после отмены крепостного права в России. Девочкой ей не раз приходилось слышать рассказы недавних крепостных.

Знаменитые репинские «Бурлаки» еще не были написаны великим русским живописцем, но юная ученица Симбирской женской гимназии Анна Ульянова не раз видела этих самых бурлаков на берегу Волги. И они были для нее как бы символом России, пораженной, тянущей свою лямку. Слова любимого поэта Некрасова о стене народном, что раздается над Волгой, были для Анны не только строчкой чудесно-

го стихотворения. Горе народа было рядом. С самых ранних лет это было и ее горе.

Анюта дружила со своим братом Александром. Саша был моложе ее всего на полтора года. На книжной полке брата и нашла девушка произведения Добролюбова, Чернышевского и, наконец, «Капитал» Маркса. Оба увлекались Писаревым, сочинения которого были под запретом.

Анна Ильинична окончила Симбирскую гимназию в 1880 году, получив за успехи и примерное поведение серебряную медаль. Преподаватели всегда отмечали у Анны Ульяновой интерес к литературе и истории. Старшая дочь директора народных училищ Ильи Николаевича Ульянова сразу после окончания гимназии стала работать по-

мощницей учительницы в приходской школе.

В 1883 году Анна Ильинична — студентка историко-словесного отделения Бестужевских высших женских курсов. Университетское образование для женщин в ту пору было закрыто. Занятия на Бестужевских курсах не удовлетворяют Анну Ульянову: они далеки от жизни. «Одни древности», — говорила Анна Ильинична. Ее тянет к революционным действиям. Вместе с другими передовыми студентами Петербурга она принимает участие в демонстрации у могилы Добролюбова в день 25-летия со дня смерти писателя.

Анна и Александр Ульяновы живут в разных концах Петербурга. Но они часто видятся, дружат. В 1887 году брата и сестру Ульяновых арестовывает царская полиция по делу о покушении на Александра III. Поводом к аресту Анны Ильиничны была телеграмма, пришедшая на ее имя: «Сестра тяжело больна». Это была шифрованная телеграмма. Таким способом товарищи Александра Ульянова по «Народной воле» извещали его через сестру о высылке азотной кислоты, необходимой для подготовки взрыва.

Сама Анна Ильинична Ульянова не принимала никакого участия в организации покушения. И об истинном содержании телеграммы не подозревала. Тем не менее ей предстояла высылка в Сибирь. Александр был приговорен к смерти.

Сохранилось свидетельство Анны Ильиничны о драматических днях, пережитых ею тогда в Петербурге. К ней в тюрьму пришла мать.

«Выдержка и поразительная твердость матери обманывали меня... — вспоминает об этом эпизоде Анна Ильинична. — Я не могла допустить, что готовится, а в последние дни заключения произошло нечто непоправимое, видя ее, хотя потрясенную, но в полном самообладании. Она была настолько мужественна, что уже после казни брата, о которой узнала из листка, раздаваемого прохожим на улице, пришла ко мне на свидание... старалась ободрить меня... успокаивала меня...»

По просьбе матери высылка Анне Ульяновой была заменена проживанием под гласным надзором сначала в Казанской, потом в Самарской губернии. Позже Анна Ильинична будет писать в своих воспоминаниях о Владимире Ильиче:

«Он с большим жаром и воодушевлением рассказывал мне об основах теории Маркса и тех новых горизонтах, которые она открывала». Жили они тогда в деревнях Кокушкине и Алакаевке на Волге.

Позднее, переехав в Москву, Анна принимает участие в московских социал-демократических кружках. Занимается переводом «Ткачей» Гаутмана с немецкого. Это был первый перевод революционной пьесы, запрещенной царским правительством. «Ткачи» печатаются на гектографе и распространяются среди рабочих.

Анна Ильинична Ульянова со свойственной ей необыкновенной энергией окунается в революционную работу. Она переезжает в Петербург и участвует в «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса».

Ленин арестован. Сестра приходит к брату на свидание и через тюремную решетку рассказывает ему обо всем, что делается на воле. Брат и сестра то и дело вставляют в свою речь иностранные слова, заменяя ими русские, недозволенные: «забастовка», «протест», «листовки». Невежественные жандармы хлопают ушами, ничего не могут понять.

В 1889 году Анна Ильинична вышла замуж за Марка Тимофеевича Елизарова¹, товарища ее брата Александра. Свидетелем на их свадьбе был Владимир Ильич. Она нашла в своем муже друга и товарища по совместной борьбе. Их разделяли только тюрьмы да ссылки.

Дело революции становится делом жизни Анны Ульяновой. В 1898 году она член Московского комитета партии. Вскоре по поручению Ленина она едет за границу.

Владимир Ильич находится в ссылке в далекой Сибири, и Анна Ильинична налаживает связь заграничного центра с Шушенским. Работает энергично, осторожно, умело, и партия доверяет ей все более и более серьезные поручения.

Самую разную работу приходилось выполнять Анне Ильиничне — верной помощнице Владимира Ильича. Написаны особыми химическими чернилами строки «Программы партии». Их надо «перебелить». И это делает Анна Ильинична. Она любовно подбирает материал для работы В. И. Ленина «Развитие капитализма в России». Позднее издает его рукопись «Материализм и эмпириокритицизм». Анна Ильинична не только организатор издания этой книги, но и ее корректор. Сохранившиеся письма говорят о том, что Владимир Ильич очень считался с советами своего «корректора».

А. И. Ульянова — один из создателей ленинской «Искры». Вот где находит выход ее недожинный талант партийного публициста. От листовок, от прокламаций, обращенных к рабочим, — к «Искре», к серьезной, глубокой редакционной работе над статьями корреспондентов из России. Здесь же, в «Искре», она публикует свой первый рассказ.

И снова Россия. Анна Ильинична на партийной работе: то в Томске, то в Самаре, то в Киеве. В 1904 году в Киеве Анну Ильиничну вместе с младшей сестрой Марией Ильиничной арестовывают по делу Центрального Комитета и Киевского комитета партии.

Выйдя из киевской тюрьмы, Анна Ильинична Ульянова продолжает свою партийную работу. На этот раз в Петербурге.

Она транспортирует большевистские газеты «Вперед» и «Пролетарий». Но не покажется ли слово «транспортирует» слишком спокойным? Хочется представить себе на миг невысокую женщину в соломенной шляпке. В саквояже она несет пачку газет. Она шагает по улице своей энергичной походкой, немного напоминающей походку брата.

¹ Елизаров Марк Тимофеевич (1862—1919) — видный деятель большевистской партии. После Октября народный комиссар путей сообщения, затем член коллегии Народного комиссариата торговли и промышленности.

Каждую минуту может напасть на ее след агент охраны, и тогда опять арест и тюрьма. Быть может, надолго.

Вокзал. Поезд. И снова бесконечные переезды из города в город...

С конца 1905 года Анна Ильинична — член редакции газеты «Вперед». Об остроте ее стиля можно судить и по письмам. Они полны боевого пыла. Особенно замечательна ее переписка с Владимиром Ильичем. Брат нежно любит сестру. Столько ласки в обращении к ней: «Анюта». А она зовет его: «Володек». Но дальше — все о борьбе, о том, что интересует обоих, чем живут и сестра и брат.

Из конспиративных соображений Владимир Ильич называет в письмах Анну Ильиничну то «Джемсом», то «Игорем», то «Андреем» или «Андреем Николаевичем». В одном из писем «Андрею Николаевичу» Владимир Ильич и высказал мысль об издании специального журнала для работниц. Анна Ильинична горячо берется за это.

На первом же, организационном заседании все члены редакционной коллегии «Работницы», все, кроме одной, арестовываются царской охранкой. Эта «одна» — случайно опоздавшая на заседание Анна Ильинична. Она и доводит дело до конца: 8 марта 1914 года выпускает первый номер журнала для работниц.

В 1916 году полиция высылает Анну Ильиничну в Астраханскую губернию. Оттуда она возвращается после Февральской революции.

И вот Анна Ильинична — секретарь «Правды». Она создатель и редактор журнала «Ткач». Активное участие принимает она в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции.

О ее работе в первые годы Советской власти можно было бы написать многое. Анна Ильинична Ульянова-Елизарова руководит Отделом охраны детства в Наркомпросе, организует помощь голодающим детям Поволжья, проводит первый в нашей стране съезд по охране детства, создает первые детские дома и лечебные заведения для больных детей.

После смерти В. И. Ленина Анна Ильинична пишет «Воспоминания об Ильиче», создает книгу «Детские и школьные годы Ильича». В эту книгу, вышедшую миллионными тиражами, она вложила яркий талант литератора-большевика.

Она автор книги «Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 года».

Уже будучи тяжело больным человеком, Анна Ильинична продолжает руководить изданием воспоминаний старых большевиков — соратников Ленина.

Огни первых домен Магнитостроя, первых наших электростанций застали еще среди нас этого человека большой жизни, чей дух был вечно молод.

Еще за день до смерти Анна Ильинична держала в руках томик стихов немецкого поэта Генриха Гейне в подлиннике... Быть может, собиралась перевести его стихи.

Эта выдающаяся русская женщина вошла в жизнь борцом и такой ушла от нас.

Евг. МАР

Наталья Перегудова, смиренная, работающая девушка, сирота, вышла замуж за Василия Скворцова, сына колхозного счетовода. Василий прожил с ней всего год. Однажды уехал в город и не вернулся. Оттуда уже написал несколько торопливых строк о том, что он, мол, остается жить в городе и жена у него теперь городская.

Прошел год с того дня, как Наталья получила от Василия горькую весть, и ей вдруг вспомнилось все, что случилось тогда. Ходила она в тот день с утра в правление, чтобы дали лес на стропила и чтоб железо для крыши выписали, а потом до вечера работала на нежно голубеющем льняном поле. А когда рассыпались светлые сумерки, вернулась домой, и соседка Лукерья отдала ей письмо. Наталья давно ждала его. Поэтому, войдя в избу, сразу стала читать, не зажигая света. Прочла и сначала заголосила, а потом горько проплакала до самой зари.

И все же целый год после того дня Наталья ждала Василия. Он не возвращался, и даже слуху о нем не было. Тогда она наконец поняла, что не дождетца мужа. Наталья больше не плакала: крепилась. И только после работы приходила домой, опускалась на лавку и, надломленная, погруженная в печаль, долго сидела, думая о муже, о том, где он сейчас, что делает, с кем живет и хорошо ли.

И вот, словно по сговору, к Наталье стали приходиться вдовья мужчины свататься. Она всем отказывала. Но один из них, Тимофей Игнатьевич, объездчик колхозных полей, хромешный с войны, к тому же с пятилетней дочкой, явился к ней и во второй раз. Наталья снова отправила его ни с чем. Но когда Тимофей ушел, она села на лавку у окошка, и стало ей так тяжело и горько, что впору хоть головой в петлю.

На другой день Наталья вернулась с поля раньше обычного. Долго, тщательно мылась. Причесалась. Достала из сундука синее шерстяное платье. Выгладила его, надела и отправилась к Тимофею.

Медленно шла Наталья по широкому проему сельской улицы. Перед этим прошумел летний, кратковременный дождь, прибил пыль на земле, обмыл серую траву, омолодил кусты акаций и березы, стоявшие у изб. Трубно, сыто мыча, с выгона возвращалось стадо. Хозяйки стояли у дворов, поджидая своих коров, и с острым любопытством поглядывали на Наталью. А она, в обтягивающем ее тонкий стан платье, какого давно не видели на ней, ни к кому не повертывая головы, задумчиво приминала туфлями мокрую траву.

Так, ни разу не оглянувшись, Наталья дошла до дома Тимофея, постучалась. Открыла дочь его, черноглазая, бойкая Дуняшка. Наталья легонько потрепала ее по волосам.

— Ну, Дуняша, принимай гостей,— пересиливая вдруг на-

хлынувшую боль и тоску, сказала она голосом, отрешавшим ее от всего прошлого, и переступила порог.— Отец дома?

— Дома! — звонко и радостно проговорила девочка, следуя за нарядной Натальей.

Тимофей сидел за столом и, обжигаясь, сдирал тонкую кожицу с молодой картошки. Наталья тут же, скользнув по столу взглядом, заметила скудную холостяцкую еду: картошка «в мундире», зеленый лук и молоко. Ей стало жалко Дуняшку, и она опять потрепала ее по волосам.

Хозяин поднялся, вежливо поздоровался, приглашая к столу. «А усталый-то какой!» — неожиданно подумала Наталья, точно только сейчас, при свете лампочки, разглядела грустное, в морщинках лицо тридцатисемилетнего мужчины. И, опустив голову, тут же сказала, что согласна стать его женой, но только они, Тимофей с дочерью, должны перейти в ее избу.

Зажили они неплохо, слаженно. Тимофей и до этого слыл на селе тихим, непьющим человеком, а Дуняшка быстро привязалась к Наталье. Наталья улыбалась, глядя на них. Но в душе еще ощущала тяжесть, и там порой вставали и боль, и обида, и горечь от сознания того, что у нее жизнь сложилась не так, как хотела, как думала.

Ложась спать, Наталья, как прежде, в девичьи годы и во время первого своего замужества, прихорашивалась перед зеркалом. Только теперь, причесываясь, она часто задумывалась и, глядя на свое отражение, не видела себя, и рука с гребенкой застывала в волосах.

Как-то, стоя вот так перед зеркалом, Наталья заметила: Тимофей внимательно следит за ней. Правда, он ничего не сказал, решил, видно, промолчать, не тревожить вопросами. Только утром посмотрел не как обычно, а задумчивым, грустным взглядом.

«Переживает, а молчит», — с благодарностью подумала Наталья.

Вечером Тимофей вернулся пьяный. Он пришел, молча достал из печи вчерашние щи, похлебал и лег. «Переживает», — опять подумала Наталья, поставила на ночь тесто, а утром поднялась рано и напекла блинов, которые Тимофей любил.

С работы Наталья возвращалась раньше обычного. Еще с утра по небу потянулись тучи, тяжелые, плотные. В сумерки стал накрапывать дождь редкими, но крупными каплями, черными точками конопатя пыль на льняном поле, и все враспынную с криками разбежалось по домам. Наталья по пути зашла в магазин, чтобы купить конфет и пряников к чаю.

В избе ее поджидали Тимофей и Дуняшка. Без нее они не ужинали, сидели в потемках. Наталья вошла, зажгла свет, сняла мокрую одежду, надела сухую юбку с кофтой. И только присела к столу, как постучали в дверь, сначала тихо, потом решительней.

Наталья переглянулась с Тимофеем.

— Кого ж там несет в такую погоду? — добродушно проговорил Тимофей.

— Входите! — крикнула Наталья, подымаясь и повертываясь к двери.

Дверь открылась, и из тьмы шагнул в комнату Василий. Наталья тихонько охнула и опустилась на табуретку.

— Гостей принимаете? — спросил вошедший таким родным голосом, что у Натальи задрожало все внутри. Она опять поднялась и с трудом промолвила:

— Ну, проходи... Прходи в избу... Замерз, поди. Ну, проходи же!

ТОПОЛЯ

Иван КИТОВ

Рассказ

Двое мужчин, встретившись неожиданно, холодно полоснули друг друга глазами. Взгляд Натальи от головы Василия метнулся к ногам. Манжеты брюк и обувь были сплошь мокрые и в грязи. Наталья, встрепенувшись, обернулась к Тимофею и сказала в замешательстве:

— Тимош, дай ему свои ботинки и сапоги. Промок ведь человек. Пусть переоденется.

И увидела глаза Тимофея — встревоженные, ожидающие беды.

— Поторопись, Тимош, — попросила Наталья.

Но Василий остановил шагнувшего к сундуку Тимофея.

— Не надо, — сказал он, — дойду как-нибудь до своих и так. — Помолчал и добавил с горькой усмешкой: — Вот не знал, что тут Тимофей. А я было совсем к тебе, Наталка. А тут... И вышел, задев головой притолоку.

После ухода Василия ужинать больше не сели. Дуняшка залезла на кровать и испуганными глазами смотрела оттуда на Наталью, сидевшую на табуретке со склоненной головой. Тимофей сначала пошел по избе из угла в угол, потом оделся и молча вышел. Наталья понимала, что он волнуется и хочет, чтобы она решила его судьбу одна.

Когда шаги Тимофея утихли, Наталья уложила Дуняшку спать, уронила руки и горько задумалась.

Вспомнила Наталья многое-многое из своей жизни: и все свое детство, и мать, которая померла три года назад, и отца, не вернувшегося с войны.

И так вот, шаг за шагом просматривая свою жизнь, дошла Наталья и до первых встреч с Василием. Первые встречи те были у больших тополей, которые всю жизнь теперь будут шуметь листвою о ее первой любви. Ходили они к тем тополям почти каждый день в течение всего года. Природа поставила тополя как-то странно: два рядом, а один в стороне. Оттуда Василий обычно провожал Наталью домой. А однажды, сказав, что с первыми заморозками женится на ней, остался до зари.

Наталья любила его и не прогнала. А на следующее утро увидела белый игольчатый иней на траве и под окном лунки — след прошедшего стада, — задернутые льдистой коркой.

Отпрянув от окна, Наталья со сбивчиво застучавшим сердцем выскочила на крыльцо и поняла, что с неба будто упала поздняя осень со своим особым привкусом промозглого холода, мутно-серыми рассветами и тем заветным инеем, о котором сказал Василий.

Через неделю была свадьба. И было много народу. И день тот был самым счастливым в ее жизни...

После того счастливого дня в памяти Натальи встал и тот, последний день, когда Василий уехал и не вернулся, а перед этим напился допьяна. Пил стаканами, бросая задумчивые взгляды на Наталью. Иногда вздыхал. И Наталья почувствовала, что пришла беда, и долго после его отъезда ходила вокруг избы под бледным светом месяца и все пыталась успокоить себя, истолковать его отъезд как обычную мужскую прихоть. Но и против такой прихоти душа ее протестовала. Наталья в растерянности и смятении останавливалась и долго-долго смотрела на далекие немые звезды.

Снова, еще и еще раз вспоминая во всех мелких, нужных и ненужных подробностях свою жизнь, встречи с Василием, свадьбу, письмо из города, целый год тоскливого одиночества и новую жизнь с Тимофеем, многое поняла Наталья. И теперь знала, как ей поступить.

На рассвете Наталья вышла из избы: хотелось поскорее увидеть Василия. Она направилась к дому Скворцовых знакомой приречной, ослизлой после дождя тропкой, через высокий обрыв, где росли те тополя. Наталья давно здесь не была — целый год. Завидев знакомые деревья, пошла быстрее, будто они торопили ее, приветственно махая ветвями. Вот уже и ложбина у обрыва, которая в весеннюю оттепель заполняется водой.

Поднимаясь на пригорок, Наталья мельком оглянулась и у далеких стогов заметила Тимофея. Он был на лошади и смотрел ей вслед. Объезжая поля, он, видно, нарочно задержался у стогов, чтобы убедиться, пойдет ли она к Скворцовым.

И тут вдруг она услышала рядом шаги. Обернулась и увидела Василия.

— А я жду тебя здесь. Думал, ночью придешь. — Грубый, задушевный голос, тот самый, знакомый до острой,

щемящей боли голос, который не давал покоя весь год ни днем, ни ночью.

Наталья шагнула и остановилась против Василия, в упор, твердо взглянула на него.

Василий молчал.

Наталья отвела глаза в сторону. И через долгую минуту сказала:

— Я шла... чтоб покончить разом... Не приходи больше к нам. Не тревожь.

— Наталка! — Василий порывисто обнял ее за плечи. — Ты ж не любишь его! — заговорил он горячо. — А у нас все теперь будет по-другому. Все! Пожил в городе, знаю теперь, что им там надо, городским бабам-то. Не стоят они тебя все. Верь, не вру! Навсегда теперь останусь.

Наталья не отстранилась и не отвела его рук. Сосредоточенно молчала. Ей хотелось сказать, что она, наверное, еще не любит Тимофея, но уверена, что привыкнет к нему, раз он хороший человек, и полюбит его. Но вместо этого проговорила с той решимостью, какую Василий в ней хорошо знал:

— Он никогда не плюнет мне в душу, как ты.

Василий понял, что решение ее бесповоротно. И, сразу потемнев лицом, сжав губы, ругнулся вдруг и со злостью проговорил:

— Дура деревенская! Еще пожалеешь! Назло тебе останусь здесь... Таких дур, как у нас в совхозе, нигде не сыщешь!..

Наталья, слушая его, поняла, что он не любит ее. Еще больше стало на душе от его слов и в то же время безразлично, уедет ли он к городской или останется здесь. Один раз только она прерывисто вздохнула и, отвернувшись от Василия, направилась к тропке.

Отсюда, с бугра, хорошо просматривалось все село, речка, убегающая лентой в сизую чащу дальнего леса. А от речки к лесу тянулось огромное, вогнутое поле, похожее на гигантскую чашу. На дальнем конце поля по чернозему, как жуки, ползали два трактора с плугами, и до слуха доносился их слабый рокоток, подувал ароматный ветер, шуршащий тополиной листвою.

Из-за леса поднялось солнце и озарило весь этот дорогой, с детства знакомый ей мир ясным, широким светом.

У стогов на лошади по-прежнему сидел Тимофей и смотрел в ее сторону. Наталья задумчиво спустилась с пригорка и пошла по тропинке назад к селу.

Рисунки Р. РАССОХИНА.

ЗАБОТЫ ЕКАТЕРИНЫ ИВАНОВНЫ

М. ВОСКРЕСЕНСКАЯ

Теплый пар от земли над полем, и звонкий жаворонок в небе, и простор такой, что голова кружится... Тридцать два года Екатерина Ивановна мерит взглядом эту бескрайность, не снимая рук со штурвала трактора. Тридцать два года — не тридцать два дня! И первым был тот год, когда в родное ее село Половинное на Курганщине пришло сразу несколько тракторов. Повариха Катя ревела в голос, отказываясь выполнить волю директора совхоза. А тот требовал, чтобы повариха немедленно переквалифицировалась в трактористку.

Слезы не помогли. Весенняя земля ждала пахарей. Недели две походила Катя в прицепах, и вот уж экзамен. Правда, программа была сокращенная: как трактор заводите, как глушите и как тушить, если, не дай бог, загорится.

Все пришло потом, с годами: и знания, и любовь к этой сильной и нужной машине, и радость победы над самой собой, над своей робостью, над неверием в силы, над ограниченностью своих помыслов.

Уже много лет спустя, когда в огромном, украшенном кумачом и цветами зале вручили Екатерине Ивановне Родионовой орден Ленина и Звезду Героя Социалистического Труда, когда сердце пело в груди и руки горели от пожатий, а щеки — от добрых слов, она упрекнула себя за давние слезы: ведь так обокрасть себя могла, так жизнь свою обеднить, не послушай тогда директора совхоза! И еще от одного ощущения не могла избавиться в тот вечер: уж нет

ли здесь какой ошибки и за ту ли ее Родионову принимают, которой такие необыкновенные почести положены? Ведь она-то ничего героического, в сущности, не сделала. Просто верной была своему делу и не оставила его, когда работа выпала двойная и тройная — за тех, кто ушел на войну и кто не пришел с нее; не оставила, когда разрывалась между полем, что за 17—18 верст от дома, и тремя ребятами — приемышами, осиротевшими в 37-м году. Отморозивала руки и ноги (в зимнюю стужу лес возила неведомо откуда), пластом лежала, получив похоронную на мужа. Поднималась и опять шла на трактор. На старый трактор, собранный, что называется, по винтику, по гаечке, поскольку новый отправила на фронт.

В общем, перепахала она, перебороновала, пересеяла, перемолотила, перевозила на прицепах столько, сколько редкому мужчине под силу. И больше ничего она не сделала, только это.

Я встретила Екатерину Ивановну в Москве нынешним летом на Всесоюзном совещании женщин-механизаторов, которое созвали журнал «Крестьянка» и ВДНХ. Платочек, повязанный по-делегатски, темно-синий жакет с Золотой Звездой на лацкане. Ей уже шестьдесят, старше ее на совещании, может, никого и не было. И если считала она, что лично отвечает за каждое слово, сказанное здесь другими, за слова-рапорты, слова — претензии и пожелания, то не брала на себя ничего лишнего.

Екатерина Ивановна ис-

кренне порадовалась, когда на трибуну поднялась маленькая, яркая, вся в красном туркменка.

— Майя Мурмамедова, водитель хлопкоуборочного комбайна из колхоза «Совет» Марыйского производственного управления, — представила ее председательница.

Молодец, Майя! В прошлом году прямо из одиннадцатилетки она пошла на курсы механизаторов, и, когда их окончила, весь аул вышел смотреть, как первая в колхозе женщина ведет первую хлопкоуборочную машину. В свой единственный уборочный сезон сделала она не ахти сколько, а все-таки двенадцать сборщиц для другой работы высвободила. Майя рассказала, что сейчас на курсах механизаторов учатся по республике 343 девушки. А всего последовательниц знатной Турсуной в Средней Азии не одна тысяча. Хорошо, если их будет еще больше: машин в хозяйствах все прибавляется, и грамотные люди ох как нужны!

А вот бойкая, совсем еще молоденькая девчушка из орловского совхоза «Залегощинский», Нина Жилина. Она еще только поднялась с места, чтобы идти к трибуне, а фоторепортеры роем кинулись за ней: у трактористки прическа высокая, городская, и ресницы, вскинутые к бровям. Что-то вроде осуждения шевельнулось в душе Екатерины Ивановны («Экая модница! Ну к чему это?») и тут же исчезло. И вот уже весь зал завоевала девчушка: тихо, листком блокнота шелохнуть страшно.

О своем звене Жилина рассказывает — о десяти девчатах, овладевших машинами, о том, какие планы у них заманчивые. Не гляди, что молода: недостатки в тракторах, в прицепах агрегатах критикует, пороки в организации труда подмечает правильно.

Слушает Екатерина Ивановна Нину — и радостно и беспокойно. Радостно, что говорит Жилина дельно. А беспокойно (может, и зря), как бы не потух у девчонки этот запал: ведь сколько их, молодых, грамотных, сильных, выросших под колхозной крышей, показывают деревне спину, как только натрут первые мозоли, — на «чистую» работу стремятся. И случайно ли в том же совхозе «Степной», где работает сама Екатерина Ивановна, нет ни одной молодой трактористки или комбайнерки.

И Анна Латыпова, трактористка из Омской области, и дальневосточница Мария Иванова, и ученица из Эстонии Минна Клемент все о том же говорят: армии женщин-механизаторов нужно пополнение.

В те годы, когда по стране гремела слава Паши Ангелиной, восемнадцатилетняя Минна Клемент, пахавшая землю где-то в Поволжье, ловила каждое сообщение о Пашиной работе, чтобы со своей сверить. И так, негласно, со знатной трактористкой соревновались десятки других, неизвестных.

А кто из землячек Паши принял ее знамя? 117 тракторов в совхозе «Бешевский», на родине Ангелиной, а женщин-трактористок... од-

Шестеро из многотысячной армии сельских механизаторов. Слева направо: Майя Мурмамедова — водитель хлопкоуборочного комбайна в колхозе «Совет», Туркменской ССР; Домна Степановна Кирова — бригадир тракторно-полеводческой бригады в молдавском колхозе имени Ленина; Екатерина Ивановна Родионова — трактористка совхоза «Стелной», Курганской области; Теа Ваннер — инженер-механик эстонского совхоза «Заря»; Минна Клемент — ректор Эстонской сельскохозяйственной академии; Нина Жилина — трактористка совхоза «Залегощинский», Орловской области.

Фото А. ШАПИРО.

на. И даже бригада, созданная в память Паши, женская бригада ее имени, сейчас целиком из мужчин.

Отчего же неохотно идут колхозные и совхозные девчата в механизаторы?

Главная причина, по мнению Екатерины Ивановны, в старом и все-таки живучем настроении: «Не женское это дело». Разбивать нужно такое ложное мнение: кто же не знает, что работа на машине не трудней, а легче, чем работа вручную? И радости куда больше: выше выработка, богаче урожай. И заработок хороший.

А если высказывалось на совещании много замечаний по машинам, по условиям труда, так цель их одна: пусть профессия механизатора будет еще доступней для женщины.

Екатерина Ивановна окидывает взглядом зал:

— Наверно, уж не зря сидят здесь конструкторы и руководящие товарищи. Вижу, записывают много — значит, надо верить, ничего не упустят, учтут наши нужды...

Претензии и предложения высказывались в самой конкретной форме: такой-то узел такой-то машины требует доработки.

Видимо, все эти предложения женщин-механизаторов обобщили и сейчас рассматривают и обсуждают в нужных организациях, в конструкторских бюро, в соот-

ветствующих отделах заводов.

А Екатерина Ивановна мечтает еще об одном: чтоб дошли они и до городских женщин, до тех, кто собирает машины или конструирует их. И до других конструкторов, кто создает не машины, а одежду и кто шьет ее. И еще многим женщинам-горожанкам она нашла бы что сказать. Вот, кажется, собрала бы их кружком возле себя и поговорила бы с каждой, как сестра с сестрой.

Сначала она от чистого сердца поблагодарила бы всех, кого это касается, за свою машину, за трактор. Она помнит свой первый трактор, помнит, как заводила его когда-то ручкой и как садилась потом за руль, уставшая уже от одной этой заводки. Как изнывала, работая на сиденье, открыто и палящим лучам и свирепым ветрам. И как гордилась выработкой, вполтину меньшей, чем сейчас.

Нынешние тракторы и сравнивать с прежними нечего. И в каждом новом выпуске есть для тракториста приятный сюрприз: легче управление, или больше мощность, или выше скорость. И кабины у большинства тракторов теперь есть, а запуск на очереди дня автоматический, нажатием кнопки.

От своих подруг Екатери-

на Ивановна сказала бы спасибо еще тем, кто создавал и продолжает улучшать отличный самоходный комбайн и хлопкоуборочную машину, кто выпустил машины для возделывания и уборки сахарной свеклы и овощей.

Но и в хороших машинах есть погрешности.

Первая претензия женщин — тяжесть отдельных узлов и деталей. Много узлов, сложных в разборке и труднодоступных при ремонте.

Уж, кажется, столько сейчас заменителей есть у металла: и пластмассы, и капрон, и другие искусственные материалы — легкие, прочные, дешевые, а в тракторе разве что втулку капроновую встретить.

Другая проблема — удобство.

Взять хотя бы сиденье. В страдную пору рабочая смена механизаторов длится без малого полсутки. А сиденье на большинстве тракторов и комбайнов, не говоря уже о прицепных машинах, тряское, неудобное.

Товарищ Бойков, главный инженер Минского тракторного завода, рассказал, что для трактора «Беларусь» спроектировано новое сиденье: с гидравлическим амортизатором. Очень хорошо! А когда оно на машинах появится?

Казалось бы, простое дело — подножка у трактора. Но ведь на нее за смену не один раз ступить приходится, да чаще всего в спешке: мало ли непредвиденных остановок в поле! А если вместо подножки что-то вроде крючка (как у трактора «Беларусь», в общем-то очень хорошего трактора) или ее роль выполняет гусеница, как у «ДТ-75», разве удобно подниматься на машину или спускаться с нее?

Кабина, как уже выше говорилось, теперь у большинства машин есть. Но ее надо улучшать и улучшать. Чтобы от шума и пыли спасала тракториста, но не была душной. Значит, о таких приспособлениях нужно подумать конструкторам, которые поддерживали бы и приток чистого воздуха в кабину и нормальную температуру в любое время года.

Технический уход. Кто связан с машиной, тот знает, что работа эта так же необходима, как трудоемка и грязна. И одна из основных причин та, что у большинства машин немалое число точек смазки. Представители «Союзсельхозтехники» на совещании рассказывали, что конструкторы эту проблему сейчас пытаются разрешить, и кое-где уже установлены подшипники с одноразовой смазкой: заправил на весь сезон — и можешь туда не заглядывать. Но ведь это пока что «кое-где».

И еще об одном наболелшем все женщины говорили — о рабочей одежде. Не на картинках в журналах мод и не на выставках — на себе и на своих подругах они хотят видеть удобные и красивые комбинезоны, костюмы, платья, халаты. Конечно, из подходящих тканей: чтоб не боялись масел и горючего, легко стирались, долго носились. Есть же сейчас такие ткани, и моделей хороших сколько угодно.

...Наверно, если б у Екатерины Ивановны Родионовой состоялся не заочный, а действительный разговор с женщинами — работницами, инженерами, конструкторами, она сказала б им куда больше. Но и тогда она от имени всех многочисленных своих подруг просила бы об одном: подумайте, дорогие, поищите, как можно сделать сельскохозяйственную машину лучше, легче в управлении и обслуживании, и что еще в ваших силах, чтоб труд наш стал приятнее и с большей отдачей. Мы же перед вами в долгу не останемся.

Владимир ШУРУПОВ

Имя Владимира Шурупова третий год не сходит с афиш Академического театра имени Моссовета. Московские зрители видели в его исполнении Сергея Сугробина («Битва в пути»), Эдгара («Король Лир»), Василия Синицына («Обручальное кольцо»)... А со стихами молодой актер выступает впервые. Будем рады, если стихи Владимира Шурупова понравятся читателям.

Вылазка в детство

Раздаются, исчезают стены.
Нет трехмерности,
нет комнаты...
Я у детства,
я стучусь растерянно:
— Эй, предметы, это я —
напомните!

И в углу,
где холодильник зилковский,
жаждой детства осуществлена,
как разведка первая,
как вылазка,
русской печки белая стена.

Мать у печки напряженно возится,
истощился дровяной запас,
а сырые прутья
только косятся
и топорчатся
в причудливый каркас.
Не растопит зябкою рукой...
Я собрал листки
дрожащей кипой...
— Это же стихи твои, сынок?!
— Мне не жалко...
Жгите, мама, жгите...

Жгуче жалко,
но приходит откровение,
о котором матерям не говорят.
Не найти им выше применение,
чем согреть озябшую тебя.

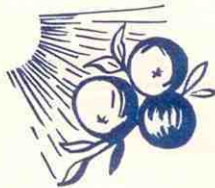

Если спросите:
— Ты откуда? —
я в ответ, расстегнув рубашку,
задохнувшись,
скажу:
— Оттуда,
где большое поле ромашковое...
Я оттуда — от первых гроз
и от той затопленной тропки...
Я оттуда, где все началось
от объятий, непрочных и робких...
Я оттуда — от первых клятв,
одуряющих и неистовых...

Я оттуда,
где можно стоять
до зари,
обрывая листья.

Разве я говорил, что люблю,
у того лесного ручья?
Разве я говорил, что люблю?
Говорил? Это, значит, не я.

Я — и нежный! С ума сошла.
К твоим ласкам просто небрежен...
Я — и нежный? С ума сошла,
на меня
не похожа нежность!
Кто поверит?
В наш век влюбляться?
От любви чтоб на стену лезть...
Я себе-то боюсь признаться,
что на деле
все так и есть.

Щедрость

Какая сегодня прозрачная свежесть!
Солнце брызжет,
как яблоко соком,
избы,

как бабы,
томятся и нежатся,
сияя зрачками окон.
Брызги солнца повисли на тополе,
рвутся в полено,
слетев с охуа...
Рыжий парнишка
разбрызгал, топя,
солнца осколки —
страхнул с лопуха...
Соседи!

Ломайте скорее заборы.
Щедростью,
люди,
солнце затмите!

Мальчишки!
Не лезьте в сады, как воры,
идите днем,
когда солнце в зените.

Рвите яблоко самое крепкое.
Рвите красивое самое.
Пусть соком
щедро
пьянящим и терпким
яблоко брызжет,
как солнце лучами.

Соседи!
Солнце спит укором.
Люди!
Ломайте
скорее
заборы!

Композиция
в хрустале

На столе у Виктории Николаевны Меркуловой несколько колб с прозрачной желтоватого цвета жидкостью. Рядом в картонной коробочке множество узеньких полосок бумаги. Виктория Николаевна берет тонкую бумажную полоску и, сложив ее вдоль, опускает в одну из колб. И сразу душной комнаты словно не бывало: над головой зеленый трепет листьев, под ногами влажная от только что прошедшего дождя земля, в сочной траве широкие, свернутые трубочками листья, а между ними фарфоровая белизна крохотных чашечек ландыша.

Да, именно так пахла тоненькая бумажная полоска — и свежестью, и промывтой дождем травой, и ландышами. Волшебство запаха! Теперь мне понятно, почему Виктория Николаевна, парфюмер фабрики «Новая заря», так любит слово «композиция».

Как живописец, пробует различные краски, достигает нужного тона, так и парфюмер, создавая сочетания из известных ему 300—350 душистых веществ и эфирных масел, получает неведомый до сих пор аромат.

Виктория Николаевна вспоминает, как бродила по тронутым золотом подмосковным лесам, как охаживала таскала в квартире сухие травы и желтые листья, слушала даже «Времена года» Чайковского. Все это помогло открыть аромат, который позже стал известен под названием «Осень».

Конечно, у каждого из специалистов московской фабрики «Новая заря» свой путь к открытию. Главный парфюмер Павел Васильевич Иванов, например, почти все свои композиции создал в лаборатории, в том числе и духи «Каменный цветок», хорошо принятые у нас и за рубежом (кстати, продукция фабрики экспортируется в 27 стран). А совсем недавно пять лучших парфюмеров фабрики — В. Грибанова, В. Данилова, П. Иванов, В. Меркулова и У. Шиманская — закончили работу над духами «Ярославна», названными так в честь первой женщины-космонавта.

Сейчас фабрика готовится к выпуску новых сортов духов — «Огонек», «Наша марка», «Наш юбилей». Две последние композиции посвящены юбилею фабрики. Летом этого года «Новой заре» исполнилось 100 лет. Некогда ручное производство французского Брокера и Ко теперь почти сплошь механизировано.

Многим известны духи «Красная Москва», «Жемчуг», «Поздравляю», «Кремль», «Поэзия», «Вечер», «Лирика», «Восход»... Все они (около 150 наименований) плод труда парфюмеров фабрики. Конечно, не только парфюмеров, но и тех, кто работает в цехе жидкости, и в парфюмерном, откуда ежедневно уходит 350 тысяч флаконов духов и одеколона, и в картонажном, где хрупкие флаконы укладываются в изящные сюрпризные коробки и футляры.

Одеколон «Флора», в котором словно только что распустившись либо веточка сирени, либо роза, либо ландыш, тоже родился здесь, на фабрике «Новая заря».

Смотришь на эти заключенные в стекло цветы, и невольно на память приходят шекспировские строки:

И только аромат цветущих роз,
Летучий пленник, запертый в стекле,
Напоминает в стужу и мороз
О том, что лето было на земле.

Е. ТАРАСОВА

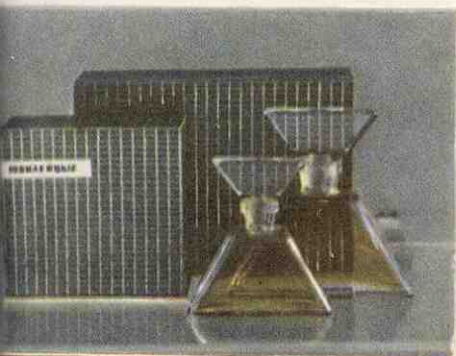
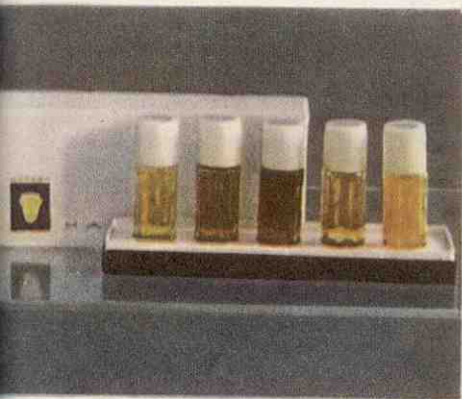
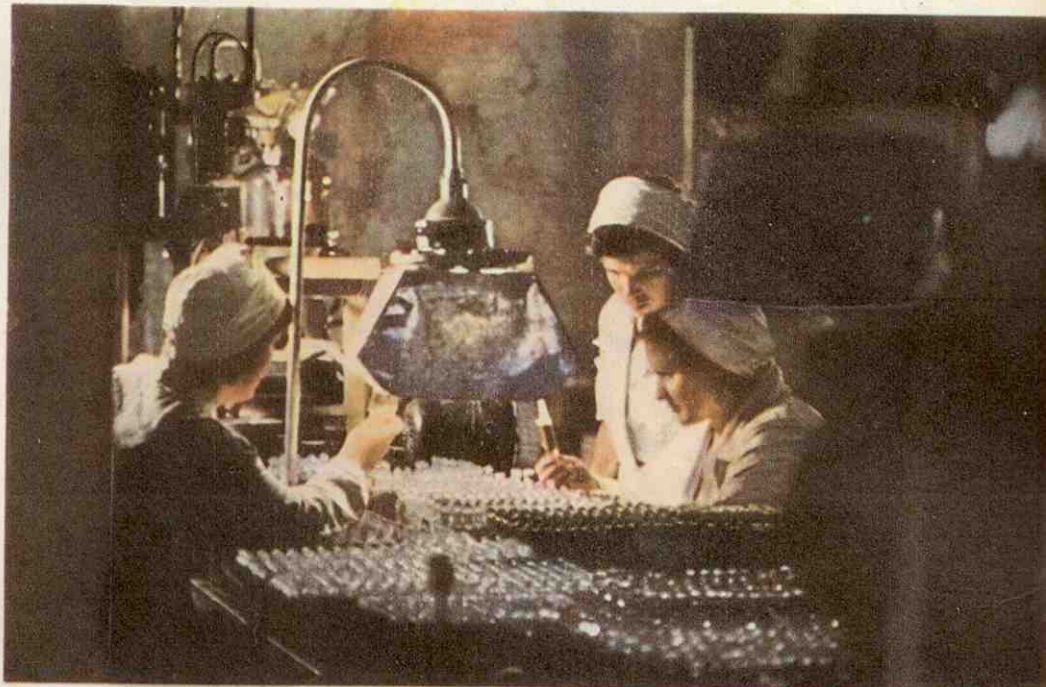
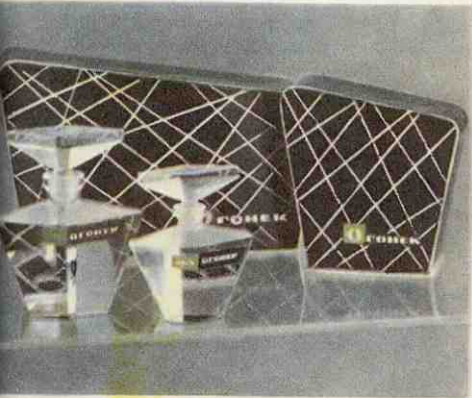
НА НАШЕЙ ВКЛАДКЕ (сверху вниз):

Парфюмер Т. МУРЫГИНА в лаборатории фабрики.

Фасовщицы отделения «новинок» (слева направо): А. ПЕТРОВА, Р. НАЗАРОВА, К. ФЕДОРОВА.

Л. ОВСЯННИКОВА руководит бригадой коммунистического труда картонажного цеха.

Фото Н. МАТОРИНА.

А. ВАРТАНЯН. «НЕТ!»
(Из серии «Люди, будьте бдительны!»)

Р. ИЗМАЙЛОВА

Перед глазами человечества проходят внезапно ожившие тени страшного прошлого. Процесс над фашистскими преступниками в городе Франкфурте-на-Майне тянется уже несколько месяцев. Один за другим на скамье подсудимых появляются отвратительные палачи освенцимского лагеря смерти. Почти двадцать лет им удавалось скрываться. Но вот он опять перед нами — звериный облик фашизма. Выжившие узники лагерей смерти — поляки, русские, чехи, венгры, цыгане — приехали на процесс и, глядя на своих мучителей, свидетельствуют: да, вот этот, Клер, только за одну ночь уничтожил двести заключенных уколами фенола. Вот этот — Шерпе; он убивал детей. На совести Шобера массовые расстрелы. А этот, Богер, — матерый нацист, изобретательный истязатель. Сколько людей погибло на придуманных им дьявольских «качелях», скольких он избил до смерти!..

Кое-где в Европе, да и в Америке, нам иной раз пытаются доказать, что фашизм стал историей, что нынешняя молодежь не знает даже, кто такой был Гитлер. Мы этому не верим. Не найдешь у нас еще дома, где не осталось бы трагических следов войны, где не слышали бы о том, что причинили миру нацисты.

А разве под множеством разных обликов не оживает сегодня фашизм — в делах ли американских расистов, в нравах ли французских осовцев или в поступках португальских и испанских реакционеров!

...Мне пришлось недавно побывать в Маутхаузене, одном из гитлеровских лагерей истребления, расположенном на живописных холмах австрийских Альп. Даже теперь, когда лагерь пустынен, прибран и на тихих его стенах птицы вьют гнезда, он напоминает собой труднопостижимую человеческим разумом механизированную плаху. Какая безумная мысль могла столь расчетливо и методично, с нечеловеческим хладнокровием проектировать эти цехи, ставшие бойней для людей, эти узкие бункеры, где узники умирали стоя, в одиночку, эти газовые камеры, в которых душили сотнями, эти тесные печи крематория, куда можно было пропустить только до последней степени истощенное человеческое тело. Люди гибли и на крутых ступенях «лестницы смерти», бессмысленно перетаскивая камни весом по 40—60 килограм-

ЭТО КАСАЕТСЯ ВСЕХ

...где выжили их последние часы, понять всю меру страданий. Я вижу строки на всех языках мира. Бесчисленные мемориальные дощечки с короткими надписями: «Нашему папочке», «Обожаемому сыну, умершему за Францию». Маленькие высушенные букеты ландышей. Знамя испанских антифашистов, обвешанное фотографиями их замученных товарищей. И памятки — чехам, венграм, советским воинам, французским и итальянским партизанам...

...Мы возвращаемся той же дорогой, которой входили сюда бесчисленные толпы пленных, подгоняемые штыками эсэсовцев. Они шли в «ночь и туман» — таково было имя этих лагерей, данное им фашистами. Мои спутники молчат, говорить очень трудно. И возникают в памяти слова писателя Василия Гроссмана, сказанные о таком же лагере: «Из-под земли доносится погребальный звон бесчисленных маленьких колоколен. И кажется, сердце сейчас остановится, сжатое такой печалью, таким горем, такой тоской, каких не дано переносить человеку».

Нельзя себе представить, что такое может быть забыто!

...Я думаю в эти тяжелые минуты о Лизе из Орла. Ее мне довелось встретить в городе Линце, женщину удивительной душевной силы, сломить которую не смогли и в таком фашистском аду, как Равенсбрюк.

...Вспоминается комната в семье одного австрийского коммуниста, куда я пришла провести вечер с друзьями. И такое странное ощущение, что в обстановке есть что-то знакомое. И тахта, порусски покрытая ковром, и множество цветов на окнах, и даже некоторый беспорядок, столь не похожий на западную педантичность. Потом вышла хозяйка, и все стало ясно. Елизавета Павловна оказалась нашей соотечественницей. Мы пили русский чай с австрийскими бутербродами, беседовали о московских новостях, об общих знакомых, пока я не заметила портрета красивой темноволосой женщины в траурной рамке. «Это моя Анни, мы вместе были в лагере, — медленно сказала Лиза. — Ее уже нет на свете, но тогда она помогла мне выжить!»

Началась эта история в тридцатых годах. В те времена в Москве еще были булыжные мостовые, а на стенах висели памятные пожилым людям плакаты: «Дашь пятилетку в четыре года!», «За индустриализацию и сплош-

...от настал ужасный день, когда гитлеровцы вторглись в Австрию.

— Лиза, я должен вернуться в Вену, — сказал ей Эдгар.

Она уже ждала этих слов и только спросила:

— А я с тобой?

— Ты обо всем подумала? Будет тяжело, — ответил муж.

Но Лиза давно решила: разве фашисты не общие наши враги?

Так Лиза Шацкая стала боевой подругой австрийского коммуниста-подпольщика. Когда гитлеровские войска вторглись на советскую землю, она уже была опытным борцом австрийской группы Сопротивления. В сентябре 1941 года гестаповцы арестовали ее и Эдгара. Он немедленно был отправлен в Маутхаузен и после страшных пыток казнен. Лиза долго об этом не знала. Она оказалась в другом лагере смерти — Равенсбрюке. Но случилось так, что Лиза попала туда безымянной пленницей. Просто заключенная № 14632, и все.

Много написано о муках, которым подвергали нацисты узников, но когда эта рано поседевшая женщина своим негромким голосом рассказывает, как действовала машина массового умерщвления людей, становится трудно дышать.

— Вы спрашиваете, когда было всего трудней? На это не ответить сразу. Отблески огня из печей, запах горелого мяса, преследующий днем и ночью, серый пепел, ложащийся, как грязный снег, на волосы... Представьте себе хотя бы то, что называлось в лагере санитарным днем. Раздеваетесь догола на снегу, бьешь вшей в тряпье, потом под ударами плетей эсэсовских фурий торопишься в душевую, под кран с колодной водой, наскоро одеваешься, вся обмерзшая. После каждого такого «санитарного дня» штабеля трупов за баракком увеличивались. Но самым страшным часом был для меня тот, когда я узнала о гибели Эдгара. До этого как-то еще держалась, а тут — стоит ли жить? Может, последовать примеру тех, кто сам обрывал свою жизнь? Если подбежать к проволоке под током высокого напряжения и схватиться за нее (стража обычно этому не препятствовала), все мучения кончатся... Но мое отчаяние, — вспоминает Лиза, — увидела подруга Анни Маршалек. «Как ты смеешь, ведь ты коммунистка! — шептала она по ночам. — Подумай, разве бы Эдгар тебе это простил? Если не мы, то кто будет бороться здесь?»

...конец... чувствовалось, что и они в тревоге. А однажды Лиза увидела такое: в лагерь загнали партию новеньких заключенных, немок. И вдруг одна старая надзирательница, рыдая, бросилась на грудь узнице: оказалось, что это ее сестра. Конвойные на месте пристрелили обеих. Потрясенная виденным, другая надзирательница заметно изменилась. Она даже согласилась тайно помогать в побегах заключенным. Лиза и Анни бежали одними из последних. Фронт уже вплотную приблизился к Равенсбрюку, и уцелевших заключенных выгнали к шоссе на запад, откуда шли американцы, лишь бы они не встретились с советскими войсками.

Лиза вспоминала: рвались бомбы, снаряды, дороги были завалены трупами. Сбежав из колонны, Лиза с подружками забрела на разбитую бомбами железнодорожную станцию. Станцию эту вскоре заняли советские войска. Спасшихся узниц отпоили молоком, отправили лечить в госпиталь.

Потом Лиза вернулась в Вену, начала работать. Встретила хорошего, ставшего родным человека. Много пережили они оба за эти тяжелые годы. Иной раз люди хотят скорей забыть пережитое, но Лиза и ее муж твердо знают: надо помнить прошлое во имя будущего!

С волнением рассказывает мне Елизавета Павловна, какую борьбу ведут многие передовые женщины в Австрии с теми, кто пытается скрыть правду о фашизме. Я уже слышала, что в школах ничего не упоминают о столь страшных местах, как Маутхаузен, Освенцим, Майданек, что в учебниках нет и слова о народном Сопротивлении. Те, кому это выгодно, усердно молчат о героизме, который проявляли миллионы людей, чтоб извлечь землю от фашистской нечисти. Это молчание не случайно: ведь если б люди забыли о последней войне, стало бы легче начинать новую.

В Вене участницы движения народного Сопротивления дали мне книжку, которую сейчас распространяют по школам женщины — бывшие узницы Равенсбрюка. Они ее сами издали, подробно рассказав о том, что происходило в годы их юности в одном из лагерей, созданном фашистскими изуверами. Книга эта обращена к тем, кто родился после войны, и вот ее название — «Разве это меня касается?». Австрийские женщины хотят, чтобы такой вопрос не возникал. Не забыты ни пожары, ни виселицы, ни концлагеря. Не затянулись раны человеческие.

И это касается всех!

Сушие дрова...
мы сомневались, помню: зряшный труд!
Ну что в них проку, в хворостинках
тонких?

А вот они, голубчики,
растут!»
... И мы ушли от тополей веселых
и дальше голой улицею шли,
где сотни хворостинок-новоселов
беспомощно торчали из земли.
В июльский зной им приходилось
тяжко,
и мне сказала спутница моя:
«А знаешь, кто сажал их здесь?
Наташка!
В день школьного воскресника,
как я».

Весь в сережках
лес расцвечен охрою...
Нет в лесу весеннем ни души.
Полдень щедро
на лужайку мокрую
сыплет золотые кругляши.
А передо мной,
тропинку выставив,
деревце лежит в траве сырой,—
с маленькими ласковыми листьями,
с шелковой разодранной корой.
Кто посмел сломать его,
цветущее,
равнодушно, походя, сгубя?
Люди говорят в подобном случае:
«Руки бы отсохли у тебя!»
Помертвеют листья,
станут серыми,
на землю прилягут тяжело...
... Ну, а если то
любовью первую
сердце полудетское цело?

Чужая бессонница

Есть признания — их произносишь
с трудом,
для всего объяснения придумав
заранее.
Но большое и честное мужество в том,
чтоб себе не подыскивать
оправдания.
Зря, лукавая душою,
как заяц в кусты,
ты от горя чужого старательно
прячешься.
Погоди, еще, может,
спохватишься ты
и, хлебнув одиночества,
вдоволь наплачешься.
И с обидою скажешь, что жизнь
недобра,
и, быть может,
в досаде тебе не припомнится,
что когда-то ты сладко спала до утра,
и тебе не мешала
чужая бессонница.

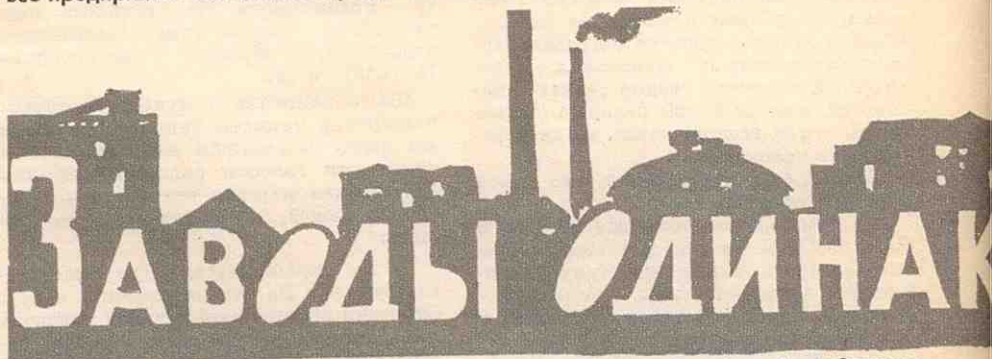
щико...
нов Украинской ССР.

На большинстве предприятий повысилась
объем производства. Предприятия Ивановской
перевыполнили план по производительности труда, выработали сверх плана более
20 миллионов метров тканей и получили 1 миллион рублей экономии от сверхпла-
нового снижения себестоимости.

Особенно хорошо то, что новый график благотворно сказался на самочувствии
и здоровье рабочих. Улучшились условия их труда и отдыха. В прошлом году на
предприятиях Ивановской области потери рабочего времени из-за болезней умень-
шились на 20 процентов. Выросла средняя заработная плата. Появилось больше
свободного времени — можно лишний раз пойти в кино, театр, погулять с детьми,
заняться любимым делом. Два дня отдыха для женщин — большое облегчение.
Недаром ткачихи из Иванова говорят: в первый выходной день успеваешь все де-
ла по дому сделать, а второй выходной — настоящий праздник!

Введение нового графика сменности на предприятиях текстильной промышлен-
ности — это новый шаг на пути претворения в жизнь решений XXII съезда КПСС
в области всемерного оздоровления и облегчения условий труда рабочих.

Недавно Государственный Комитет Совета Министров СССР по вопросам тру-
да и заработной платы и Президиум ВЦСПС одобрили опыт внедрения графика
сменности со значительным сокращением ночных смен на текстильных предприя-
тиях Ивановской области и рекомендовали совнархозам, профсоюзным организа-
циям провести необходимую работу, чтобы новый график нашел себе дорогу на
все предприятия текстильной промышленности.

Начну с письма работниц Резекнен-
ского завода строительных материалов:

«...В 1961 году, когда переходили на
сметочной рабочий день, у нас на за-
воде был введен новый график. Работа-
ли по восемь часов, а в пересменке были
48 часов отдыха. Такой график очень об-
радовал нас, работниц. Меньше стало
ночных смен, появилось больше време-
ни для отдыха, воспитания детей. Мно-
гие из нас стали учиться в вечерней
школе. План по выпуску продукции вы-
полнялся хорошо.

Но наша радость длилась недолго. В
апреле 1962 года администрация заво-
да дала распоряжение вернуться к ра-
боте по старому графику. И опять не-
деля с шестью ночными сменами. А
если к этому прибавить, что с механиза-
цией труда у нас плохо, вентиляция
не работает, то станет понятна наша
обида...

Мы недавно побывали на заводе си-
ликатного кирпича в городе Даугавпил-

се. Завод, как наш. А люди радостные,
довольные, веселые. Потому что о них
хорошо заботятся. Работают они в че-
тыре смены с двумя выходными по
скользящему графику, план перевыпол-
няют, а по качеству кирпича далеко пре-
восходят нас, резекненцев.

Мы снова обратились к директору
завода товарищу Апрелеву, к парторга-
низации, чтобы пересмотрели график
работы. Но ответ был один: нельзя, не
позволяет фонд зарплаты. Тогда мы по-
ставили вопрос на общезаводском проф-
союзном собрании. И хотя большинство
рабочих было за организацию работы
по новому графику, товарищ Апрелев
грозно оборвал нас: «Хватит об этом го-
ворить! На нашем заводе ни при каких
условиях не будет изменен график!»

Дорогая редакция, мы, работницы Ре-
зекненского завода силикатного кирпича,
просим: помогите нам...».

Под письмом 23 подписи.
И вот я в Латвии. Сначала решила
побывать в Даугавпилсе.

Цех силикатного кирпича, о котором писали резекненцы. Радушные хозяева ведут меня от участка к участку, обстоятельно рассказывают о производстве, не без гордости сообщают, что за пять месяцев выдали сверх плана около 400 тысяч штук кирпича («Хватит на большой, многоэтажный дом!»), себестоимость кирпича ниже плановой, и на качество не обижаются потребители.

Знакомлюсь с работницами. Завязывается оживленная беседа.

— Как живем? Что ж, неплохо живем, интересно...

— График? Хороший. Удобный. Закончим сегодня смену и на два дня — на озеро, на турбазу. Поедемте с нами! Не пожалеем...

— Где находятся ребяташки? Все устроены: одни — в яслях, другие — в детсаду, а постарше — в лагере. У нас ведь свой комбинат «ясли-сад», свой пионерский лагерь, своя столовая.

— На экскурсии ездим в Ригу, Ленинград. Директор автобус выделяет. Осенью группа наших рабочих поедет во время отпуска на Южный берег Крыма. На заводском автобусе. Директор обещал...

С директором завода Алексеем Петровичем Поляковым я встретилась перед самым отъездом. Недолго беседовали мы с ним, но, слушая его рассказ о перспективах развития завода, о ближайших планах, я почувствовала в этом человеке настоящую влюбленность в свой завод, увлеченность тем делом, которым он занят («Сейчас у нас проблема номер один — полностью

самом, откуда пришло письмо в редакцию.

Вместе с секретарем горкома партии Марией Модестовной Поляковой идем по цеху, где делают кирпич. В воздухе плотной стеной стоит пыль. Не спасают раскрытые настежь окна и двери. Пыль проникает всюду: лезет в нос, рот, застревает, щекочет в горле, запоразивает глаза. Вентиляция не работает уже давно, несколько лет, как пояснил нам мастер смены тов. Вишнеvский.

Заходим на участок прессов. Ловко, красиво работают женщины. Но когда видишь, как они вручную снимают кирпичи с прессы и укладывают на тележку, как с помощью лома поворачивают эту тележку (у прессы № 2 поворотные круги не механизированы), становится грустно.

В обеденный перерыв беседуем с работницами.

— Работаем мы неплохо, — начинает одна из них, — и нормы перевыполняем, и стараемся дать кирпич качеством лучше, а не лежит у нас душа к заводу...

— И все потому, что не видим мы внимания к себе, — подхватывает другая. — Вот хотя бы взять новый график или, скажем, условия нашего труда... Мы об этом писали в редакцию. А теперь вы сами убедились...

Говорит одна работница, другая, третья, четвертая...

— Родился у нашей прессовщицы Лены Павлюкайтес сын. Толь-

ворит. А если к нему обратится человек с вопросом, он как бритвой обрежет. И уйдет от него рабочий расстроенным, оскорбленным. С мнением рабочих, с общественными организациями директор не считается...

В этих словах — большая обида за свой завод, обида — «почему у нас не так, как у соседей в Даугавпилсе»; в них и желание людей изменить положение на заводе, сделать так, чтобы труд был в радость, а коллектив стал родным.

Об этом и состоялся у нас разговор с директором завода Александром Павловичем Апрелевым.

Пытаюсь выяснить, почему отказались от графика работы, который устраивал рабочих и отвечал интересам производства. Из ответа директора становится очевидным, что никаких объективных причин для этого не было.

Внушительно, с чувством собственного достоинства Александр Павлович заявляет: «Нет вентиляции? Через месяц сделаю! Не механизирован поворотный круг у второго прессы? Будет сделано! Уже с директором соседнего завода договорился. Насчет графика подумаю... А люди у нас хорошие. Вот этой смене Вишнеvского, где вы сейчас были, будем присваивать звание коллектива коммунистического труда. Уже и значки для них заказали...» Но как только речь зашла о письме в редакцию, о жалобах рабочих на барское отношение к людям, на грубость, куда делись выдержка и спокойствие товарища Апрелева. «Как они посме-

механизировать труд работниц на прессах, культуру труда поднять... Не гнушаемся мы учиться у других; за опытом ездим к соседям: были и в Литве, и в Эстонии, и в Ленинграде...») А когда директор говорит о коллективе рабочих, нетрудно уловить, как близки ему и радости людей и нужды, с которыми им приходится сталкиваться. («Ну как будут работать женщины, если дети останутся без присмотра! Вот за счет фонда предприятия и построили ясли-сад. Туристскую базу тоже сами оборудовали. На озере двадцать лодок. Пусть отдыхают хорошенько!...»)

Да, правильно подметили резекненские работницы: на даугавпилском заводе люди веселые, радостные. Они довольны своим трудом, своей жизнью. И это потому, что здесь забота об интересах производства тесно переплетается с заботой о людях.

... Город Резекне от Даугавпилса отделяют какие-нибудь сто километров. Два часа езды, и я на Резекненском заводе строительных материалов — том

ко вышла она из родильного дома, сразу стала на очередь в ясли. Сейчас ребенка уже два года, а он так и не попал в ясли и вряд ли попадет: его очередь девяносто третья. А почему не построить нам свои ясли? Нечего надеяться на городские...

— Многие наши рабочие живут за семь — десять километров от завода, а ночная смена в субботу заканчивается в половине второго ночи. Как добраться до дома, особенно осенью или зимой? Сколько раз просили директора, чтобы автобус выделил, — ничего не получается: один раз отвезут, а десять — пешком топаем...

Я слушаю женщин и мысленно сравниваю эту беседу в Резекне с той, в Даугавпилсе...

Разговор перекидывается на взаимоотношения в заводском коллективе. Вздвонно говорят женщины о том, что директор груб с людьми, неуважителен. Изредка появится в цехе, ни к одной работнице не подойдет, не заго-

ли! — вскипел директор. — Да знаете ли вы, что у нас за люди на заводе? Клязники! Им нет дела до интересов завода. Особенно эти... из смены Вишнеvского...»

Слушала я товарища Апрелева и все больше убеждалась в том, что правы работницы: не уважает он людей, не думает о них. Вот почему они и написали коллективное письмо в редакцию «Работницы».

З. ТИМОФЕЕВА

Даугавпилс — Резекне.

От редакции. Пока журнал находился в производстве, из Управления промышленности строительных материалов Латвийского совнархоза нам сообщили, что на Резекненском заводе стройматериалов вновь введен график работы с меньшим количеством ночных смен и двумя выходными днями в неделю. Надеемся, что и в условиях труда работниц наступят хорошие перемены.

РУКИ

Товарищи привезли его ночью, самолетом. Она не поехала за ним. Боялась. Страшно было увидеть его не таким, как всегда. Но утром один из товарищей пришел и сказал: «Пойдем, он там... Только держись. Крепко, очень крепко держись».

Кругом люди, они молчат и смотрят в землю.

Раньше, когда она их встречала, они здоровались, пожимали руку, спрашивались о здоровье, спрашивали: «Как он?»

А сейчас молчат и смотрят в землю. Ах, да. Они ведь уже знают и, наверное, видели. А на нее не смотрят. Не могут.

Где-то играет музыка. Она играет, а такое впечатление, будто ей не хочется, чтобы ее слушали. Но, несмотря на это, звуки пронизывают душу, входят в сердце, в мозг.

Почему играет эта музыка и почему вокруг столько людей, глядящих в землю? Ах, да... Ведь ей сказали еще вчера. Нет, не вчера. Когда-то давно-давно... А может быть, не сказали, может быть, это не так, может быть, ничего и нет — ни музыки, ни этого большого здания, где он недавно работал и куда она не раз приходила к нему. Отсюда же несколько дней назад он уехал в командировку, и вот... Отказало сердце.

«Пойдем к нему? — До ее локтя дотрагивается чья-то рука, чужая, неласковая, и чуть подталкивает вперед: — Пойдем!»

На красном высоком столе, необыкновенно длинном, вырастающем прямо из-под пола, лежит кто-то.

Да это же он!

Чужая рука отпустила ее локоть.

И музыки вдруг не стало слышно.

Ушла...

Нет больше и людей.

Здесь около него только она.

Он и она.

Он лежит бледный, с закрытыми глазами. Не чувствует ее взгляда, не поворачивает головы.

Руки спокойно сложены на груди, побелевшие, неподвижные.

О, эти руки!

Она уже ничего не видит, кроме них. Стоит и смотрит.

Исчез шум, нет зала с венками и высоким красным столом. Только его руки.

О, эти руки!

Вот они робко, обе сразу, прикасаются к ее руке, берут ее и, ослабевшую, безвольную, несут к чуть покалываю-

щей щеке. Потом его пальцы долго-долго глядят ее щеку. Она помнит, отлично помнит каждое движение пальцев, горячих, мягких, нежных. А однажды он взял ее за руку и сказал: «Пойдем!»

И они пошли, взявшись за руки, по всему селу, чтобы их видели люди...

Потом...

Ах, как это было давно! Какие-то молитвы, и старенький поп связывает ее руку с его рукой белым, мягким, прохладным платком.

Потом... Этими руками он нес их первого сына, потом второго и третьего. Какой он был счастливый тогда! Он гладил ее волосы, нежно пошлепывал крепкие тела мальчишек. Этими же руками он купал детей. Когда он ласкал сыновей, ей казалось, что он ласкает ее, потому что его руки были ее руками.

Они много трудились, эти руки. Со всем недавно они были источником тепла, достатка и счастья их дружной семьи. Сейчас же они лежат, не шевелясь, словно устали... Пальцы немного согнуты, на правой руке след от кольца, которое она подарила ему когда-то. Потом он снял это кольцо. Сказал, что партизанам непристойно носить кольца. Куда он его спрятал? Где? Может, на кольце остался след его руки? Впрочем, так не бывает... Почему же сейчас его руки не подымутся, не приласкают ее?

Она, не глядя, дотрагивается щекой до неподвижных рук. Что-то холодное прикасается к щеке, чужое.

Эти руки больше не принадлежат ей.

Но что это?

Родная рука, его рука дотрагивается до плеча, нежно-нежно. Не может быть! Может!

И его голос звучит:

— Пойдем... Пойдем отсюда!

Сколько времени прошло с тех пор, она не знает. Но его голос повторяет снова:

— Пойдем... пойдем отсюда, мама!

Это был не он.

Это был его сын.

Он теперь будет жить в сыне. Он передал ему свои руки, свой голос, свою суровую ласку.

Больше она никого не видела в тот день.

А под сводами большого здания печально звучала торжественная музыка Бетховена.

Перевел с молдавского автор.

**СТРАНИЦА
ОТСУТСТВУЕТ**

**СТРАНИЦА
ОТСУТСТВУЕТ**

**СТРАНИЦА
ОТСУТСТВУЕТ**

**СТРАНИЦА
ОТСУТСТВУЕТ**

женин. Когда впервые после революции в аэропорту Гаваны Хемингуэй встретил группу друзей со знаменем, писатель пошел к знаменю и поцеловал его.

— Это первое правительство, достойное кубинского народа, — сказал Хемингуэй о правительстве Фиделя Кастро...

А когда фото- и кинорепортеры, не успевшие «отснять» Хемингуэя, попросили писателя повторить эту «сцену», он сердито сказал:

— Я не актер кино. А знамя целуют только один раз и по-настоящему.

Текст к фильму о Хемингуэе, большом писателе и мужественном борце против фашизма, написал Константин Симонов и сам прочитал его.

Документальный фильм под таким названием выгустила недавно студия «Таллифильм».

Первые кадры фильма сняты на Кубе, у простого и строгого монумента, воздвигнутого одному из лучших писателей века, Эрнесту Хемингуэю, его друзьями — кубинскими рыбаками.

Советские кинематографисты режиссер Семен Шкельников и оператор Мати Каск встретились на Кубе со многими людьми, лично знавшими писателя. Среди них был и восьмидесятилетний рыбак — прототип героя повести «Ста-

Легко сказать: дайте. Сначала нужно вызвать коммутатор треста, потом — коммутатор железнодорожного узла...

— А что вам нужно на вокзале? — Узнать, когда идет поезд на Тагил.

Вот было бы расписание перед глазами, быстрее сама ответила бы человеку.

Так года два назад у кого-то из телефонисток шахтерского поселка Буланаш родилась мысль создать при коммутаторе бюро добрых услуг. Трудно? Зато сколько людей спасибо скажут!

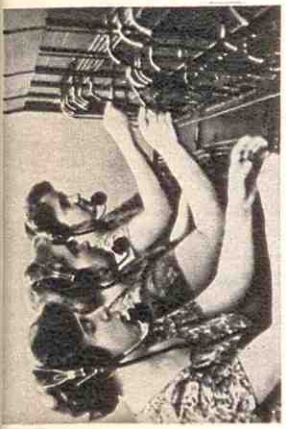
Вам нужно узнать, когда прибывает или уходит поезд, улетает или прилетает самолет местной линии, что идет в кинотеатре или в какие часы работает магазин, ателье, ремонтная мастерская? Поднимите трубку, и вам ответят.

Недавно шахтный комитет и партийное бюро шахты «Буланаш-4» присвоили коммутатору звание коллектива коммунистического труда. Звание Ударника получили одиннадцать телефонисток: Лидия Малышева, Мария Спирина, Александра Калистова, Евгения Чудова и другие.

Бюро добрых услуг продолжает действовать.

П. КОВЕРДА,
горный инженер.

Г. Артемовский,
Свердловская область.

М. Спирина. А. Калистратова, Е. Чудова.

Фото В. ЧЕХОМОВА.

Поднимите трубку

Их труд не измеришь процентами. Рабочий день телефонистки шахтного коммутатора — это шесть часов с минутками.

— Квартиру Сидорова.
— Главный подъезд.
— Двенадцатую лаву.

Иногда, как говоривались, семь, а то и десять лампочек загораются сразу. Словом, времени у телефонистки в обрез. И норма ответа на вызов жесткая.

— Дайте вокзал, — просит абонент.

За что избili Келу?

Он бил ее капроновой плетью по спине, оставляя на черной коже кровавые зарубины. Женщина еле слышно стонала, а когда пала ударил в двенадцатый раз, потеряла сознание.

О Келе Аравинш — так звали женщину — недавно рассказала швейцарская коммунистическая газета «Фюрвергс». Кела родилась в африканской деревушке недалеко от Солсбери, столицы Южной Родезии. Как и тысячи ее сверстниц, она с рождения знала голод, нужду, болезни. У нее было три сестры, четверо братьев, но все они умерли. Рано сошли в могилу мать и отец.

Кела работала на плантациях — сажала и лопотила овощи, ухаживала за фруктовыми посадками. Потом она стала промышляющей золотоноской песка на прииска «Джерри». Сколько она помнит себя, столько помнит и английских Боссов — недженных и жестоких. В Южной Родезии, на ее родине, они вели себя,

как в собственном доме, презирали африканцев, жестоко расправлялись с каждым, кто осмеливался перечить. Однажды Кела загворила волух о нищенской зарплате — о грошках, на которые можно купить лишь немного хлеба и овощей.

— Мы должны создать свой профсоюз и требовать повышения зарплаты! — говорила она.

Об этом узнал администратор приисков Роджерс. И вот зверское избиение...

Террор, тюрьмы, жестокие наказания продолжают бороться за свои права, за человеческое достоинство. Только за три месяца этого года в стачках и демонстрациях с требованиями предоставления Южной Родезии независимости участвовало более 600 тысяч человек. По данным министерства внутренних дел, в тюрьмах страдают за политические деятельности томятся около 800 женщин.

ВСТРЕТИЛИСЬ!

Рассказ о них мы начали в январском номере журнала. Читатели, наверное, запомнили очерк Н. Новикова «Цена горя и счастья» — о замечательной женщине и ложиле свое фото. «Перевидной общественной деятельнице Чехословакии Гелене Лефлеровой». А ее русскую подругу журналист смог назвать тогда только по имени: Тамара.

Двадцать два года назад судья свела их в фашистском концлагере Равенсбрюк.

«Где ты сейчас, Тамара, простая русская женщина, учительница литературы?» — спрашивал журнал. На выступление журнала Геннадьевна Шастунова — ди-

ректор школы-интерната в г. Ишиме, Тюменской области. Да, она была узницей этого страшного лагеря и знала Гелену. Тамара припомнила свое фото. «Передайте, пожалуйста, Лефлеровой». Это она! — сообщила «Работнице» Гелена, сразу узнав Тамару.

В марте Тамару Геннадьевна пригласила в Москву редакцию «Правды», и между подругами состоялся первый разговор (пока еще по телефону). Миллионы читателей «Правды» узнали об этом из очерка Е. Кононенко в номере за 10 марта этого года.

А недавно Гелена Лефлерова встретила гостью из Ишима у себя в Лидице. Две

женщины, которые прошли рядом через страшные муки фашистского концлагеря и не сломались: поддерживая друг друга, — им ли не радоваться встрече!

И вместе с ними радовались в свои дома — чуть ли не все жители деревни. Здесь в каждом доме есть особая, скорбная комната — комната памяти отца, мужа или сына: ведь все мужичины Лидице в 1942 году были расстреляны фашистскими карателями. Есть такая комната и в доме Лефлеровых: в дни страшной трагедии Гелена потеряла мужа и отца.

Подруги провели вместе две недели, но так и не успели сказать друг другу всего, что им хотелось. Трудно после такой долгой разлуки вспомнить все пережитое. Тамара окончила институт, избрана членом горкома партии. Она обзавелась семьей, растит двух сыновей. Гелена стала крупным государственным деятелем.

Они бродили по зеленым улицам Новой Лидице, выросшей на месте той, которую фашисты сожгли и сровняли с землей. Долго стояли у братской могилы погибших, и Тамара с поклоном возложила на большую холм Бундет роз.

От Бундет всего несколько километров до Праги, и Гелена показала подруге достопримечательности чешского столицы, а потом Тамара проехала и в Карловы Вары, и в Прибрам, и в Мельник...

— Теперь жду тебя к нам в Сибирь! — говорила она Гелене, расставаясь.

М. ИЛЬИНА

На снимке: Гелена Лефлерова и Тамара Шастунова.

Фотоочерк

Тамары ВОЛЖИНОЙ и
Якова РЮМКИНА

М

ы шагали на рыбоконсервный комбинат. Накрапывал дождь. Окошки выбеленных одноэтажных домиков были плотно задраены ставнями, и город казался сонным и сумрачным.

лодильными установками. Из трюмов рыба подается на плот. Скоро сами увидите, как это делается: через полчаса «ПТС-200» должен подойти.

Плот — обширная бетонированная площадка перед зданием холодильника — тесно уставлен бочками с соленой рыбой. Это тюлька. В последние годы ее особенно много вылавливают в Азовском море. И солят, и вялят, и коптят...

Готовые к отправке бочки иногда про-smаливают. Смола пахнет морем, и от этого плот похож на палубу огромного судна. А «капитан» на этом судне ходит в белом накрахмаленном халате, и зовут его Людой Руденко. Она весовщица. Но лишний раз проверить качество упаковки и правильность маркировки не мешает, и Люда, переходя от бочки к бочке, оглядывает все хозяйским взглядом.

С северной стороны над плотом возвышается здание холодильника. Оно, как положено, без окон. Это городской «плюс холода». Температура внутри — минус 22—23 градуса.

вать эпитетом «притягательная». И это слово по отношению к работе меня как-то по-особому согрело.

За время зимнего подледного лова, весенней и осенней путин рыбаки сдают на комбинат до 17 тысяч тонн различной рыбы. Основная масса — бычок. Естественно, пустить сразу же в переработку всю доставленную рыбу невозможно. Ее замораживают. Потом постепенно подают в консервный цех.

Прямо из холодильника рыба попадает в дефростер — размораживатель, откуда потоком подается на распределительный конвейер. Этот конвейер — как река с тремя шлюзами: закрыт первый шлюз — рыба идет на первый разделочный стол, перекрыт второй — сыплется на столы второй бригады.

Ножи разделщиц стучат дробно и уверенно. Раз — отрублена головка, два — надрезано брюшко, три-четыре — рыба очищена, пять — долой хвост. Готова тушка!

Это бычок. Скумбрия же требует от разделщицы семи движений: нужно

Зайчихи МОРЯ

Откуда-то налетел острый, кисло-важный запах томата и лука.

— С утра маринад варят? — спросила я.

Мой спутник, моряк рыболовецкой флотилии, снисходительно улыбнулся:

— Это морем пахнет.

Я взглянула на него с недоумением, но промолчала. Что толку спорить с мужчиной? Мне-то, хозяйке, этот запах хорошо знаком...

Но моряк оказался прав. Я поняла это, когда мы вошли на территорию консервного комбината. Здесь все, начиная с причала, пахло морем!

— Рыбный порт у нас свой, — гордо сказал мой спутник и показал на стоящие борт о суда. — Наш флот насчитывает около двухсот посудин. Тридцать пять из них — суда специального назначения, приемно-транспортные. Они принимают рыбу прямо в море, с лайнеров. Трюмы на них оборудованы хо-

«Плюсом холода» командуют веселые черноглазые снегурочки. В огромных валенках, в ватниках, поверх которых надеты белые халаты, пахнувшие морем и морозной свежестью, девушки кажутся неповоротливыми. Но это только видимость. Своим царством они управляют бойко и мудро. Мастера, начальники смен, инженеры, лаборантки, сортировщицы. Мужчины в холодильнике только «на подхвате» — грузчики.

Меня познакомили с одной из лучших работниц, Зинаидой Гавриш. Она укладывает скумбрию в картонные коробки.

— Если нет скумбрии, другую рыбу обрабатываем. Без дела сидеть не приходится. Работы хватает. А работа наша не то чтоб интересная, но притягательная...

До разговора с Зиной мне ни разу не приходило в голову, что работу, кроме интересной или неинтересной, легкой или тяжелой, можно characterизо-

еще с обеих сторон срезать боковые шипы...

В разделочном отделении три бригады. Разделщицы в белых халатах, в плотно, но кокетливо повязанных косынках. Женщины изредка перебрасываются шутками. Иногда кто-то удивленно ахает: море подарило очередную диковинку!

Например, рыбину с письмом. Плотная ампула из целлофана продета в верхний плавник. А в ней записка. На тоненькой бумажке петитом набрано: «Пошлите эту записку в Ростов-Дон, Станиславского, 89, АЗНИИРХ, указав, когда, где, чем поймана рыба и ее наибольшую длину. Сообщите ваше имя, отчество, фамилию, адрес, вышлем вознаграждение».

Женщины хохочут: длина у рыбы одна. А наибольшая она или наименьшая — поди угадай!..

— Записки нам уже не раз попада-

лись,— говорит пожилая работница.—
Отвечаем, только уж, конечно, не за
обещанное вознаграждение...

В этом отделении лучшая рыбоза-
мельщица комбината, ударница комму-
нистического труда Майя Чесак,
тоже поразила меня определением
работы:

— Наша работа складная. Все в ней
по порядку и точно, как в песне. Чуть
соврешь — и не тот лад...

И действительно, складная. Процесс
складывается из труда многих, и лад
его зависит от всех. Замешкается подат-
чица на дефростере — прервется подача
рыбы на конвейер. Оператор у раздат-
очной ленты зорко следит, чтобы рыбы
было в достатке на всех столах. За-
держалась разделка — укладчицы заску-
чали...

Ждановский комбинат не новое пред-
приятие. Оно родилось еще в первой
пятилетке. Но с тех пор дважды рекон-
струировалось, расширялось. Раньше
здесь не было ни холодильника, ни
льододелательного завода, ни жиросуш-
ного цеха... И, конечно, почти все дела-
лось вручную. Сейчас на комбинате,
кроме разделки и укладки, все процес-
сы труда механизированы.

В обжарочном отделении новая тех-
ника. Панировочная машина очень об-
легчила труд работниц. Эта машина
сконструирована и построена на комби-
нате. Ее создали главный инженер Вла-
димир Васильевич Егоршин и старший
инженер-конструктор Галина Христофо-
ровна Калмыкова. Они же усовершен-
ствовали и обжарочные печи.

У пульта управления в обжарочном
отделении стоит девушка. Маленькие ру-
ки нажимают то одну, то другую кнопку.
Люда Гурская — оператор. Два года на-
зад она окончила десятилетку и посту-
пила на комбинат. Люда легко управ-
ляется с двумя реками горячего масла.
Оно все время кипит, иначе рыба не
прожарится. Температура масла не смеет
превышать установленной ни на один
градус, иначе рыба получится сухая, не-
вкусная.

Все рабочие помещения на комбина-
те светлые и довольно тихие. Разгова-
ривать здесь можно даже вполголоса.
Только маркировочная машина не на-
училась еще вести себя прилично: слиш-
ком звонко цокает по крышкам — ста-
вит число, номер партии, смены. Да пу-
стые банки на поточной линии перезво-
ном напоминают о себе.

Банкам есть что рассказать. Их изго-
товляет специальный жестянобаночный
цех. Там же они проходят лакировку и
прокаливание, а потом совершают путь
в двести с лишним метров до цеха
укладки. Они бегут, нагоняя одна дру-
гую, и звонко чокаются.

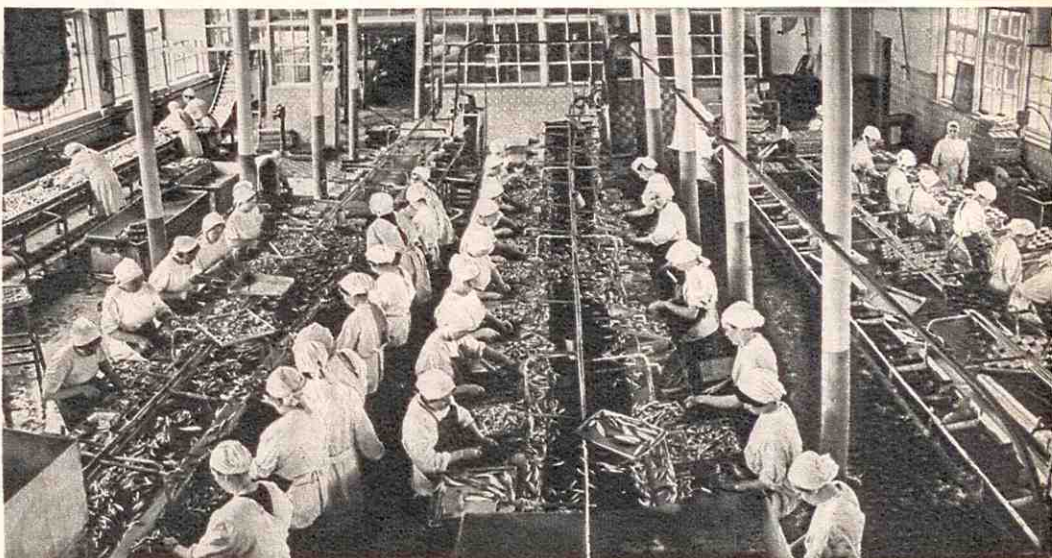
Когда банки наполнены, они молчат.
(Еще бы не умолкнуть! Любой прикусит
язык, если ему предстоит окунуться в
кипяток.) Наполненные и закатанные
банки укладывают в автоклавные сетки
и опускают в стерилизаторы.

Основная продукция комбината — бы-
чок в томатном соусе. Но консервщицы
выпускают и сардины, и ставриду в мас-
ле, и кильку в томате, и нежную тюль-
ку. Десять миллионов банок кон-
сервов в год выходит с двух поточных
линий комбината.

Мы снова пошли к причалу. Там раз-
гужался только что возвратившийся с

Лучшая разделщица рыбокомбината, ударник коммунистического труда
Майя Чесак.

В разделочном цехе.

Весовщица Людмила Руденко прове-
ряет упаковку продукции.

моря сейнер. Чайки в радостном воз-
буждении с криками носились над суд-
ном и камнем падали в воду за случай-
но соскользнувшей с транспортера ры-
биной.

И вокруг все пахло морем: и рыба, и
причал, и новые ящики с банками кон-
сервов, готовые отправиться в далекие
путешествия.

Серебристый поток мелкой рыбы кон-
чился. С сейнера на плот передали не-
сколько огромных носатых севригов. Их
уложили на тележку и увезли в холо-
дильник с особым почетом.

...Когда я возвратилась домой, дверь
мне открыла соседка. С кухни донесся
острый запах томата и лука. Я втянула
в себя воздух и сказала:

— Морем пахнет!

— Откуда? — удивилась соседка. —

Это я маринад варю. Для рыбы...

Но я-то уже знала, что и море так мо-
жет пахнуть.

г. Жданов.

Большой новый дом потеснил двухэтажных «старичков». Новоселы вносят диваны, кровати, серванты...

Дом до самой крыши полон голосами. Из врачебной сумки достаю совсем новенькую историю болезни. «Демичев Александр Сергеевич. 23 года».

Какой-то он, этот Александр Сергеевич, Саша? Может быть, все будет просто: осмотрю его, выпишу рецепт на тетрацилин и уйду. А может...

— С новосельем вас, Саша. Нравится квартира?

— Ничего,— скупо отвечает больной.

У него смуглые, сильные плечи и руки. А ноги как тростинки. Глаза черные, живые, широко расставленные. Наверное, чтобы больше увидеть в жизни. А мечтает Саша об одном: сесть бы на 74-й автобус — он останавливается как раз у их дома — и... до проходной завода всего две остановки. Но для Саши это как на другом краю земли.

Пятнадцатилетним парнишкой, прямо из седьмого класса пришел он на завод. В инструментальном цехе, где начальником был Николай Ильич Погодин, учился сверлить, делать «кондукторы», приспособления к приборам.

Сперва руки в свежих царапинках от стружки не слушались. Но потом привык, почувствовал себя частицей завода. Радовался, получив третий разряд. Это не бог весть что, но впереди целая жизнь.

И вдруг беда: поскользнулся на рамке в спортзале, упал. Отнялись ноги. Четыре года больницы, истории болезни с температурной кривой, похожей на пики Кавказских гор. Взлет — падение. Снова — взлет.

«Неужели на том и кончилась моя трудовая биография?» — волнуется Саша. О себе он говорит колюче, неохотно. Не раз рассказывал все это другим врачам. Надоело. Многие отличные специалисты старались помочь Саше. Они не жалели для него ни лекарств, ни знаний. Домашние тоже, как могли, помогали врачам. Мать была заботлива, внимательна. И все-таки в борьбе за возвращение Саши в строй первое место принадлежит жене — Гале. Очень хочу познакомиться с ней. Но все не застаю: работает в разных сменах.

...Каждый четверг прихожу к Саше. Листаю страницы истории его болезни. Глюкоза. Витамин Б-12. Лечебная физкультура. Но где то, единственное лекарство, которое поможет больному встать?

Саша полусидит в кровати. На натертом до блеска паркете луч солнца выжиг золотую строчку. Лицо Саши медленно розовеет. Дыхание учащается...

— Что с тобой?

— Очень бьется... — Он прижимает ладонь к сердцу. — Как только увижу докторов... А особенно, если приходит невропатолог... Стоит блеснуть молоточком, и начинается...

Осматриваю его. Улучшения нет...

— А как с заводом? Тебя навещают?

Мгновенно щеки Саши заливаются румянцем, и вдруг ни кровинки... Он опускает глаза. Дрожащими руками перебирает край одеяла.

— Никто не навещает. Да и зачем я им? — Голос у Саши дребезжащий, старческий. Возле мальчишеских губ две горькие складки. — Пока на больничном был — три раза приходил профорг. Гру-

Саша Демичев.

Фото И. ПЕТКОВА.

САША ВЕРНЕТСЯ В СТРОЙ

Лия ШЕЙНКМАН,
кандидат медицинских наук

[Глава из книги «Из дома в дом»]

ши, яблоки приносил. А как в первую группу перевели, никто не приходит. Забыли.

Мы молча смотрим в глаза друг другу, каждый думает о своем.

— Хочу познакомиться с Галей, — говорю я, скручивая в тугую жгут резинки фонендоскопа. — Пожалуйста, попроси ее зайти ко мне в поликлинику в субботу к девяти утра. — И уже в дверях, заставляя себя улыбнуться, повторяю: — Так я буду очень ждать.

И вот суббота. Выхожу из дому на полчаса раньше обычного. Совиные глаза светофоров задерживают наш автобус. Три пересадки. У заставы Ильича очередь лобастых троллейбусов. Наконец поликлиника. Распахиваю тяжелые дубовые двери. Еще очень рано. У дверей кабинета непривычная пустота.

Из дальнего угла холла поднимается женщина.

— Галя? Давайте знакомиться...

Галя словно сошла со старинной картины. Высокий, ясный лоб. Чуть выпуклые карие глаза. Покатые плечи обтянуты шерстяным джемпером, и вся она ласковая, нежная, как и ее имя.

Нелегко начинать разговор.

— Как Саша?

— Ничего, спасибо. Иногда головные боли. Устал он от больницы... — Она не договаривает «и докторов». Но я понимаю. Ее глаза подернуты влагой. Так

утреннее солнце проглядывает сквозь сетку дождя.

Теперь о самом важном.

— Вы его любите?

— Очень. — Глаза проясняются.

Галя рассказывает о себе, о своей любви.

Нелегкое детство в ветхом домишке в Дубровском поселке. Дружба с Сашей. Первая любовь четырнадцатилетних долговязых подростков.

«Жених и невеста! Жених и невеста!» — кричали им вслед мальчишки...

Неразлучные, они готовят вместе алгебру... Замирая, смотрят «Чапаева» в «Маяке». Ссорятся по пустякам. Мирятся... Когда Саша пошел на завод, Галя, окончив профшколу после семилетки, поступила на швейную фабрику. Она и Саша любят танцы, песни... Голос у Гали высокий, чистый, как родник.

Несчастье пришло неожиданно. В застиранном халате, развешивающемся, как плащ-палатка, Галя бежит по коридору больницы, выстаивает очереди у врачей. У Саши отнялись ноги... Да может ли быть такое? Она и сейчас смотрит на меня так, словно до сих пор не верит в случившееся.

— Он же спортсмен, плясун, — поясняет она, — думала, все время думала, как помочь? Чем? Потом решила.

Однажды, когда за обеденным столом собралась вся ее семья, Галя тихо, но

твердо сказала: «Я выхожу замуж, мама!» «За кого? Уж не за Сашу ли?» «За него. Теперь я ему еще нужнее».

Словно вихрь влетел в тихую комнату с белыми вышитыми занавесками. Что-то кричал отец. Прижав к щеке руку, пабабы голосила мать:

— Мало ли вокруг парней, которые заглядываются на тебя? Пожалеешь, доченька, да прежнего не вотишь...

Отшвырнув стул, Галя выбежала на улицу. На Симоновском валу, словно подбадривая ее, прозвенел трамвай. Окна домов уставились на нее, не то спрашивая, не то одобряя.

— Четырнадцатого января из Ждановского загса к нам с Сашей приехала седая, внимательная женщина, — продолжала Галя. — И с ней — депутат райсовета. Поздравили. Пожелали счастья. Так я вошла в Сашину семью. Недавно получили квартиру. Мы не унываем. После работы приходят мои подружки с фабрики, Сашины школьные товарищи. Читаем, спорим. Смотрим телевизор. Поем.

В дверь кабинета нетерпеливо стучат. Галя встает. Эта двадцатилетняя женщина, почти девочка, даже не подозревает, какой подвиг любви она совершила.

* * *

— Звоните три раза, и я буду знать, что это вы, — просит Саша.

...Четверг. Звоню три раза. Тишина. Снова звоню. На пороге Саша... Держась рукой за стену, перебирая непослушными ногами, он медленно добирается до кровати. Подбегаю к нему:

— Так ты встаешь?!
— Встаю, — задыхаясь, говорит Саша. — Только потом очень болит спина. — И снова ладонь на сердце.

— Ты же будешь ходить, Саша! Саша! — кричу я. — Будешь! Только занимайся лечебной гимнастикой... — И показываю, как делать.

— А не освоить ли тебе, Саша, — вслух размышляю я, — вторую профессию?

Лицо Саши мрачнеет.

— Конвертики клеить?

— Зачем конвертики? Тебе нужен чистый воздух. Давай поговорим с твоими товарищами на заводе. Ведь ты хочешь работать?

— Очень! — И поспешно, словно отказываясь от только что сказанного: — Прошу вас: не ходите к ним. — Саша садится на постель. — Бросили так бросили. Не хочу их видеть!

У него начинается приступ сердечного приступа. Приходится менять тему разговора.

— Скажи, Саша, а нет ли у тебя скрытых талантов? Может, рисуешь, поешь?

— Талантов нет. Помню, в 13-й городской больнице доктор тоже советовал на гармошке учиться. Вот я и стал учиться играть.

— Так ты играешь? Это замечательно! А слух у тебя есть?

— Слуха нет. Медведь наступил на ухо. — И впервые в его глазах озорство.

— Все равно, — вздыхаю я. — Поиграй, пожалуйста. Очень люблю музыку, когда устаю — особенно. — А ладонь обжигает длинный список больных, которых еще нужно навестить. Для большей убедительности на минуту закрываю глаза. Сейчас вздохнут мекхи, бабахнут басы, и

мне придется услышать что-то вроде «Во саду ли, в огороде...».

Саша с усилием открывает блестящий, гнутый футляр. В его руках новенький черный аккордеон.

И вдруг чудо... Из-под Сашиных пальцев хлынула широкая, привольная песня. Не знаю, что именно он играл. Под промытым до синевы небом шумели столетние ели, перекликались птицы. Тоненько вступила в общий хор иволга. Рябина в красном платочке кланялась на ветру. Сквозь мокрые ветви солнце цедило смолистый настрой...

* * *

Проходная Сашиного завода.

В просторном красном уголке — комсомольское собрание. Но в зале не только комсомольцы. Здесь и старые кадровики. Со мной на собрание пришли общественники нашего участка.

На повестке дня один вопрос: о коммунистическом воспитании молодежи, о моральном кодексе строителя коммунизма.

«Не буду волноваться. Не буду волноваться», — мысленно твержу я себе, выходя на сцену. Десятки внимательных глаз смотрят на меня, спрашивают, недоумевают: при чем тут врач?

— Как могло случиться, — начинаю я, — что вы, комсомольцы завода, забыли, оставили в беде товарища?

В зале тугая, как пружина, тишина.

Слово берет комсорг завода Лиза Тыртова. Она рассказывает о Саше, и я как бы знакомлюсь с другим Сашей — горячим в работе, веселым, общительным парнем.

Потом Лиза говорит о своих товарищах, о делах комсомольских.

— Сами не знаем, как это случилось, что мы забыли Сашу, — заканчивает она.

— Обещаю научить Сашу второй профессии, — поднимается кудрявый паренек в очках, слесарь-сборщик Володя Бродский. Сам он и работает и кончает техникум.

Один за другим просят слова комсомольцы. И каждый дает обещание помочь Саше.

* * *

...Ручьи трубят весну. Сашина история болезни, или, правильнее, история рождения, обрастает событиями. Все больше у него друзей.

...Снова кабинет директора завода.

— Почему работу на дом Саше привозят нерегулярно? — начинаю я с порога. — Видели бы вы, как он работает! Ему привозят «норму» — сто двадцать панелей на две недели. А он монтирует их за три дня. Саша стал поправляться. У него отличное настроение, а вы ведь понимаете, что это значит.

— Понимаю, — тихо говорит директор. — В молодости сам около полутора лет был прикован к постели. Ноги тоже не хотели слушаться. — Задумавшись, он смотрит в окно. — Так что я очень хорошо понимаю. И обещаю: работу будем привозить регулярно.

Директор встает, провожает меня до двери.

— Приходите, доктор, если что не так.

...Перед Сашиним домом высажены молодые деревца. Я слушаю их веселый шум и думаю: Саша вернется в строй, обязательно вернется!

ЧЕЛЯБИНСК — МЕХИКО

«Дорогая моя дочка!

Очень рада была получить привет. Не знаю, как и выразить свою радость за твое теплое, душевное письмо...»

Эти строки шлет из Челябинска в столицу Мексики город Мехико Мария Андреевна Васильева.

Что связывает челябинскую женщину с далекой страной?

Мария Андреевна — одинокий человек. Тяжело сложилась ее жизнь. Умер единственный сын, потом скончался муж, рабочий Каменск-Уральского трубного завода. Невозможно было оставаться одной в опустевшей квартире. Мария Андреевна переехала в Челябинск к дальней своей родственнице Анне Дмитриевне Васильевой. Приняли ее здесь тепло, радушно. Но вскоре с Марией Андреевной стряслась новая беда: она заболела глаукомой. Слепла. Потекли тоскливые, однообразные дни. Но не дали пасть духом Марии Андреевне ее родственники и соседи. Часто можно было увидеть Марию Андреевну во дворе, на улице, в сквере, и всегда в окружении людей. Слепую женщину научили вязанию, и Мария Андреевна увлеклась этим занятием. Связала она хорошую скатерть, а когда женщины Челябинска готовили подарки для делегатов Всемирного конгресса женщин в Москве, она принесла и свою скатерть, а к ней приложила маленькое письмо:

«Дорогая неизвестная подруга! Прими от меня скромный подарок в знак дружбы и мира на земле. Мне 72 года...»

Шло время. Мария Андреевна уже и забыла о своем подарке, как вдруг приходит письмо из Мексики:

«Дорогая советская мать! 1963 год был для меня годом больших радостей. Главная из них, похожая на сон, — поездка в Москву, где я принимала участие во Всемирном конгрессе женщин.

В последний вечер, проведенный под московским небом, мы все были взволнованы подарками, привожденными для нас советскими подругами. Среди подарков было и это замечательное вязание, которое досталось мне...»

...Хочу сообщить кое-что о себе. Мне 39 лет. Замужем, но детей не имею. Есть у меня мать и несколько родственников. Хотя русские люди много знают о Мексике, я все же хочу рассказать Вам о ней...»

Письмо заканчивалось словами: «Надеюсь получить от Вас ответ. Питаю также надежду когда-нибудь снова побывать в Вашей стране, стране таких отважных женщин, как Валентина Терешкова. Крепко целую много раз.

Любящая Вас мексиканка Ангелес Молина де Сальгадо».

— Дорого мне это письмо, — говорит Мария Андреевна.

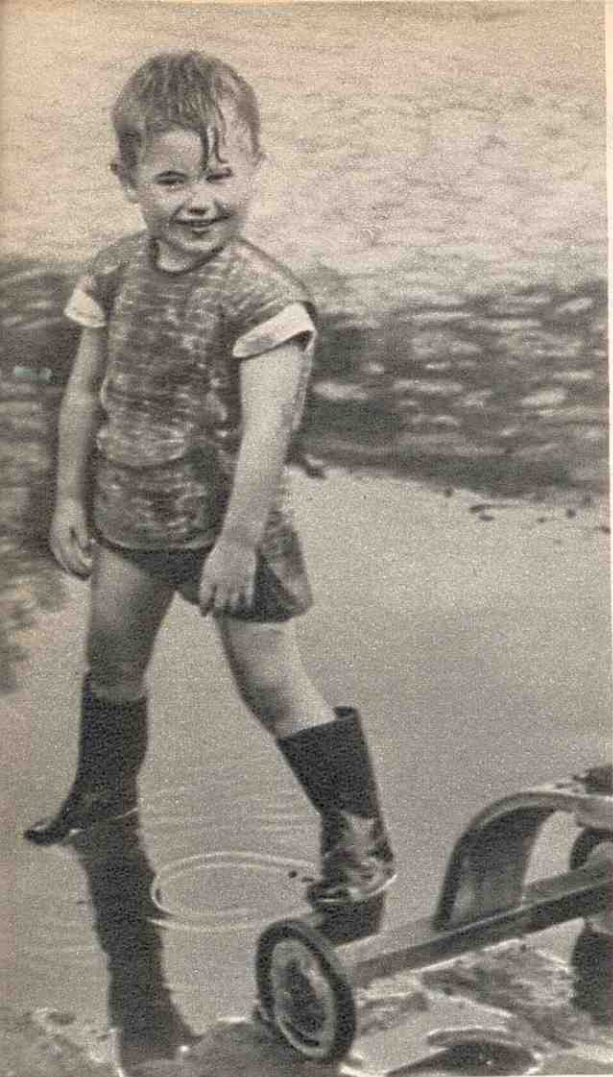
Н. ХОРЬКОВ

г. Челябинск.

НЕПОСЛУШНЫЙ

А. ФОНАРЕВ,

старший научный сотрудник
Института педиатрии АМН СССР

Доволен.

Фотоотряд В. НАЙДОВА.

Кабинет врача. Молодая женщина, примостившись на краешке стула, держит за руку сына и говорит торопливо и тихо, но слова ее полны отчаяния, а голос — сдерживаемых слез.

— Помогите, доктор! Что делать с этим буяном? Он отравляет нам жизнь...

А вихрастый «буян», познавший, как выяснилось, и ласку и розгу, сидит тихо и скромно, никуда не собираясь бежать. Только блестящие лукавые глаза да чуть сдвинутые брови выдают его интерес к «игрушечному» молотку в руках доктора и к похожему на радионаушники фонендоскопу.

— Что ж ты сидишь, как истукан, — сердится женщина, — показал бы себя во всей красе!

Но внимание мальчика поглощено забавным доктором, который так весело стучит его по коленкам, заставляет закрывать глаза, вытягивать вперед руки и что-то щекотно чертит на животе пальцем.

Около часа длилась беседа, а «буян» не обнаруживал никаких признаков буйства. Это вызывало откровенное негодование матери. Ей казалось совершенно необходимым, чтобы ее рассказ о сыне получил наглядное подтверждение, чтобы доктор сам убедился в тяжести заболевания и принял самые экстренные, самые серьезные меры. Кроме того, она была уверена, что Коля все равно обязательно совершит что-нибудь постыдное. Она ждала этого, и боялась, и хотела, чтоб неизбежное осталось позади.

Она рассказывала, как, достигнув школьного возраста, Коля стал совершать свои «подвиги» с какой-то особенной выразительностью и лихостью. Словно определение «трудный ребенок», которое он получил через месяц после поступления в школу, пришлось ему по душе и мальчик стремился оправдать его перед восхищающимися его «бесстрашием» сверстниками.

Слушая рассказ матери о Коле, доктор думал о том, что родители, потерявшие надежду самостоятельно справиться с ребенком и ищущие помощи у врача, даже не подозревают, что часто сами нуждаются в лечении больше, чем их воспитанники.

У Коли не оказалось никаких заболеваний нервной системы. Его повышенная возбудимость, безудержность характера не были следствием перенесенных ранее тяжелых инфекций или травм головного мозга. Вообще в раннем детстве Коля не обнаруживал никаких признаков отклонений от нормы. И вдруг...

За стеклянными створками серванта стояли забавные фигурки, давно привлекавшие внимание мальчика. Однажды любознательный малыш подставил детский стульчик и раздвинул створки... В этот момент стул предательски дрогнул, Коля ухватился за что-то руками, и вслед за его падением на пол с грохотом свалился чайный сервиз. Напуганный, с болью в руке, он бросился к вбежавшей матери, надеясь найти у нее защиту и успокоение. Но малыш был цел, а сервиз разбит, и женщина не сдержала гневного крика. На шум явился отец, и Коля был немедленно и жестоко наказан.

Отец счел свою миссию выполненной и скоро успокоился. Успокоилась, погорев над разбитыми чашками, и мать. Не мог успокоиться только мальчик. Впечатлительный от рождения, привыкший к некоторой свободе и ласкам, он испытал душевное потрясение как раз в тот момент, когда рассчитывал получить утешение.

Психическая травма, приправленная горечью испытанного позора, ожесточила Колю. Не хватало какого-то задуманного разговора, какого-то нужного объяснения. Но взрослые вели себя так, будто ничего не произошло. Они успокоились, так как считали жестокое наказание отвечающим характеру проступка. В действительности же они оценивали величину проступка величиной ущерба, то есть стоимостью сервиза. Они не дали себе труда рассмотреть за осколками фарфора истинные мотивы действий ребенка, и поэтому «разбили» более дорогое — ребячью преданность и свой авто-

ритет. Для мальчика сервиз не имел ценности, и поэтому он не мог понять, почему его так жестоко наказали. В три года ребенку еще не дано спокойно рассуждать, но зато ему дано беспокойно чувствовать.

Страх перед родителями сковывал инициативу и жизнерадостность, загонял внутрь многие интересы. Ведь именно из-за интереса к привлекательному предмету он впервые познал телесное наказание. Временами, высвобождаясь из-под этого страха, верный своей живой мальчишеской природе, он что-нибудь опрокидывал, терял или портил. Но, боясь уже испытанного унижения, умалчивал о содеянном или, будучи разоблаченным, наивно и бесхитростно сваливал вину на других.

С точки зрения родителей, это была ложь, а ложь необходимо пресекать любыми средствами. Энергичного, непоседливого ребенка ставили в угол, а это было для него настоящей пыткой: он физически не мог долго оставаться неподвижным и, конечно, нарушал запрет. Это расценивалось как вызов, как умышленное непослушание, как стремление к единоборству, из которого родители считали для себя делом чести выйти победителями. Ребенок получал двойную порцию «неподвижности», и, чтоб избежать ее, он прикидывался больным, лгал, рассчитывая уйти от наказания, но именно это и приводило к нему. Возникал заколдованный круг, из которого не было выхода: чем настойчивее проявляли свою власть родители, тем упрямее становился сын.

Иногда, встречаясь с печальными глазами сына, они готовы были отказаться от борьбы, искать другие пути. Но сквозь грусть детских глаз уже пробивалось настоящее упорство, гордый вызов и нарочитое пренебрежение. И родители продолжали «воспитывать» сына теми же методами.

Мальчик между тем рос, набирался сил, привыкал, насколько это возможно, к ссорам и наказаниям. Он стал часто отлучаться из дому, среди сверстников обретая уверенность в себе, получая одобрение своему безудержному нраву, своему пренебрежению к запретам. С этим комплексом привычек и резко отрицательных чувств мальчик пришел в школу и свое стремление противоречить отцу и матери перенес на учителей.

Жалобы учителей снова усилили попытки родителей сломать упорство ребенка, покорить его волю, сделать безоговорочно послушным. Им и в голову не приходило, что все это похоже на дрессировку. Прославленный царь зверей, покорно исполняющий в цирке различные трюки, уподобленный с по-

мощью кнута и пряника домашнему животному, является классическим примером такого послушания. Дрессировка и сытость, долгая жизнь в неволе подавили могучие инстинкты зверя, и только гордая слава его вольных сородичей придает его облику бесстрашие и силу.

Но малыш был другой, человеческой породы, и не древние инстинкты, а гордость и чувство достоинства восставали против муштры и насилия. Это был мятеж духа, еще незрелого, лишенного опыта и разума. Этот мятеж привел его в ряды так называемых «трудных детей».

Трудные дети... Они нарушают распорядок в детских учреждениях и школах, пренебрегают запрещениями, нередко доводят до слез родителей и неопытных педагогов. Таким детям свойственна или повышенная возбудимость, или, наоборот, заторможенность, инертность. Они не похожи друг на друга, как не схожи семьи, их вырастившие.

Дети, трудное поведение которых вызвано случайным, но затянувшимся конфликтом, трудны только по форме поведения, а не по содержанию. Изменение отношений с таким ребенком, ласка, задушевный разговор, дружеское расположение обычно снимают враждебность.

Значительно больше опасений вызывают дети, освободившиеся из-под влияния взрослых, те, которые удирают из дому, привыкают сознательно, со все возрастающим искусством лгать, хитрить и, наконец, воровать. У них закрепляется тяга к легкой и не обремененной никакими обязанностями жизни. Здесь уже приходится вести борьбу не против формы поведения, не против откровенных безудержных вспышек, а против качеств, чуждых существу нашей морали. Иногда такие дети кажутся послушными и тихими, с готовностью выполняют они любое поручение и всегда избегают открытого конфликта. Но это только лицемерие, тем более чудовищное, чем раньше оно возникает.

С годами судьбы трудных детей складываются по-разному. Одни из них, обладая сильной нервной системой, наблюдая окружающий мир, скоро проникаются презрением ко лжи и трусости, увлекаются серьезными занятиями и вырастают полезными, сильными людьми. Конечно, это происходит благодаря своевременному вмешательству врачей и педагогов, взрослых людей, способных разобраться в психологии ребенка. Другие же надолго сохраняют приобретенные в раннем возрасте дурные привычки и качества и могут вырасти бездельниками и тунеядцами. Перевоспитание таких детей является исключительно тяжелой задачей. И родителям нельзя терять надежды, что с возрастом все пройдет само собой. Меры воздействия на таких детей почти всегда сугубо индивидуальны. И поэтому не существует никаких готовых на все случаи жизни рецептов. Совершенно очевидно только, что телесные наказания, постоянные принуждения, насилие приводят к развитию отрицательных черт характера ребенка. Конечно, можно сломить волю ребенка, запугать его, добиться безропотного исполнения любых приказаний. Но настоящими людьми вырастут дети инициативные, умеющие дерзать и трудиться, спокойные умом и сердцем, умеющие постоять за себя.

„ОТКУДА ЭТО У НИХ?“

Каждый день в вашем ребенке появляется что-то новое. Вчера он удивил вас неожиданным, но приятным поступком, а сегодня вдруг нагрубил. Вы недоумеваете:

— Откуда это у него?

Откуда?.. Попробуйте как-нибудь взглянуть со стороны на себя, приглядитесь внимательно и к другим взрослым, которые окружают вашего сына или дочку. И вы увидите...

Да, не нужно забывать, что человек, у которого формируется характер, очень восприимчив. К тому же почти любой взрослый для него авторитет.

Бабушка варила обед, а маленький Мишутка вертелся тут же. Суп выкипал. Не находя ничего под рукой, бабушка натянула на ладонь рукав халата и сняла крышку.

За обедом Мишутка, которому положили на тарелку куриную ножку, взял ее с помощью рукава куртки.

— Миша, что ты делаешь?! — ужаснулась мать.

— Это чтобы не было горячо! — сказал мальчик, взглянув на бабушку.

Папа раньше всех догадался, в чем дело. Перед ужином он подал жене стул и сказал:

— Садись, родная, ты устала.

Мишутка тотчас же, пыхтя, притащил стул бабушке.

— Бабуся, ты устала, садись!

Так и пошло. Женщины стали пользоваться особой заботой, в доме появился второй, пусть еще крошечный, но очень внимательный мужчина.

Телефонный звонок. Вера Игнатьевна снимает трубку.

— Я слушаю.

Молчание. Потом тоненький девичий голосок:

— Мне бы Валеру.

— Пожалуйста, сейчас позову.

После того как сын закончил разговор, мать спрашивает:

— Это Люся звонила?

Ломаясь баском Валерка отвечает нарочито небрежно:

— Нет, это Наташка!

— Знаешь что, скажи Наташе, что, когда звонишь, надо говорить: «Здравствуйте, говорит Наташа. Попросите, пожалуйста...»

— Подумаешь, а твой директор никогда не здоровается по телефону, — парировал сын.

— Ну и что же? — вздыхает Вера Игнатьевна. — Я разве когда-нибудь утверждала, что наш директор очень вежлив?

Через несколько дней на пороге дома появляются две смущенные девушки.

— Здравствуйте, — выпаливают они обе сразу, — можно попросить Валерия?.. Пожалуйста.

Вера Игнатьевна, стараясь быть серьезной, приглашает их в дом, зовет Валерия и, чтобы не мешать, уходит в другую комнату.

Примерно через час сын, проводив школьных подруг, заходит к матери.

— Ну, что же ты не пришла познакомиться с Люсей и Наташей? А сама говорила, что так хочешь их знать! — За легкой развязностью Валерки прячется смущение.

— Знаешь, как-то не получилось сегодня. Но я думаю, что мы успеем познакомиться. Ведь они зайдут еще?..

А вечером Вера Игнатьевна слышит телефонный разговор:

— Здравствуйте, говорит Валерий. Пожалуйста, попросите к телефону Люсю. Она ушла? Вы разрешите мне позвонить к вам через час? Спасибо...

Сын попросил у отца разрешения встретить праздник вместе со своими друзьями. Отец ответил, что разрешить не может, так как не знает его товарищей.

Сын обиделся:

— Ты что же, не доверяешь мне?

— Нет, Петя, тебе я доверю. Но не могу же я доверять людям, которых никогда не видел. Я не раз просил тебя пригласить ребят домой, а ты почему-то этого не сделал.

Петя продолжал настаивать, но отец не сдавался.

Обиженный мальчик ушел в школу, а отец долго мучился: имел ли он право так категорически отказать в просьбе почти взрослому человеку, не прельстился ли свои отцовские полномочия? А что, если ребята уговорят сына просто не послушаться?

Но нет, сын вернулся рано. Он был явно в плохом настроении. Отец не стал его ни о чем спрашивать. Так и просидел вечер дома, каждый погруженный в свои дела.

А через два дня Петя как бы между прочим бросил отцу:

— А знаешь, ты правильно сделал, что не разрешил мне идти к Сашке, там плохо получилось...

Оказалось, что на вечеринку школьников зашли парни постарше со своими «пол-литрами». Ребята не сумели противостоят более взрослым, выпили, подрались...

— Зови-ка ты лучше ребят на субботу к нам, — неожиданно предложил отец. — Вот увидишь, у нас будет интересно без водки и драк.

Петя благодарно посмотрел на отца.

Е. МОГИЛЯНСКАЯ

Наталья ДУМИТРАШКО,
доктор географических наук.

Первая русская путешественница

Александр ТИМИН,
народный художник РСФСР

Это произошло в 1955 году.

Как-то вечером ко мне в мастерскую зашел директор краеведческого музея Бурятской АССР Степан Павлович Костарев и рассказал о жизни удивительной русской женщины Александры Викторовны Потаниной — жены и товарища знаменитого исследователя Центральной Азии Григория Николаевича Потанина.

Этот рассказ увлек меня. Передо мной проходили картины путешествий по совершенно не изученным в ту пору областям Монголии, Тибета, пустыни Гоби. Жизнь, целиком отданная науке, жизнь, полная лишений, поисков, риска: вот она, переодетая в мужской костюм, вместе с мужем пробирается в глубь Тибета, в священный город буддистов Лхассу, куда запрещалось проникать инаковерующим. А тем более женщинам. Это грозило смертью.

Я представил себе последние дни жизни А. В. Потани-

ной. Она заболела в дороге. Силы оставляют ее и, чувствуя, что скоро умрет, она просит только об одном: «Похороните на русской земле». Участники экспедиции выполнили эту просьбу. Они похоронили А. В. Потанину на русской земле, в пограничном городе Кяхте.

Я словно увидел эту русскую женщину, отважную, стойкую, обаятельную. С. П. Костарев показал мне и фотографию Потаниной.

В течение года я работал над скульптурным портретом А. В. Потаниной с большим увлечением. Скульптуру установили на могиле путешественницы. Взгляд ее устремлен вдаль, за покрытые дымкой горы, где теряется лента старого транта, по которому в прежние времена шли караваны в Китай, Монголию, Индию.

Осенью 1956 года в г. Кяхте состоялся многолюдный митинг, посвященный открытию памятника Александры Викторовны Потаниной.

В Кяхте, небольшом городе у границы с Монгольской Народной Республикой, на высоком холме стоит памятник — скульптурный бюст женщины, устремившей взор в бескрайние степные дали. Этот портрет, выполненный народным художником РСФСР А. И. Тиминим, изображает одну из самых замечательных наших соотечественниц, русскую путешественницу и исследовательницу Александру Викторовну Потанину. Отсюда, из Кяхты, семьдесят с лишком лет назад отправилась она в свое четвертое и последнее путешествие в малоизученные области Центральной Азии, а меньше чем через год ее привезли обратно в Кяхту — уже мертвой — и здесь похоронили. Значительную часть своей жизни отдала она науке и умерла, как боец, на посту.

Жена знаменитого русского путешественника и ученого Григория Николаевича Потанина, Александра Викторовна с радостью делила с мужем все тяготы и невзгоды его долгих странствий.

Но она была не только его спутницей и помощницей. Она вела большую научную работу и оставила глубокий след в географической и этнографической науке.

Александра Викторовна участвовала в четырех крупных экспедициях. Первая из них, по Монголии, продолжалась более полутора лет. Вторая экспедиция была посвящена изучению «страны урянхайцев» — нынешней Тувы. Путешественники прошли 1800 верст, собрали 400 видов растений, тысячи экземпляров насекомых. После этого А. В. Потанина написала свою книгу «Из странствия по Урянхайской земле». В 1884 году Потанины предпринимают путешествие по хребтам Тянь-Шаня и Нань-Шаня, пустыне Гоби, Ордосу. Путешествие это продолжалось более 2,5 лет. И, наконец, четвертое — на Тибет, во время которого так трагически оборвалась жизнь Александры Викторовны.

Щедро одарила природа эту женщину. Она отличный составитель ботанических коллекций и первоклассный метеоролог, талантливый художник и недюжинный литератор. Сделанные ею бесчисленные зарисовки одежды, предметов народного искусства и домашнего обихода, а также пейзажи существенно обогатили тома описаний путешествий Потаниных. Ее очерки по этнографии о бурятах, тувинцах, монголах написаны с подлинным литературным блеском. За этнографический очерк «Буряты» А. В. Потанина была награждена золотой медалью Русского географического общества. Награждение женщины было событием, по тем временам из ряда вон выходящим.

Не на годы — на века оставила по себе добрую память бесстрашная русская путешественница. Если многие обширные районы Центральной Азии перестали быть тайнами за семью печатями, какими они были на протяжении столетий, то в этом немалая заслуга А. В. Потаниной, скромной, застенчивой женщины, высокой, сухощавой блондинки с подстриженными волосами и высоким певучим голосом, как описал ее академик Обручев.

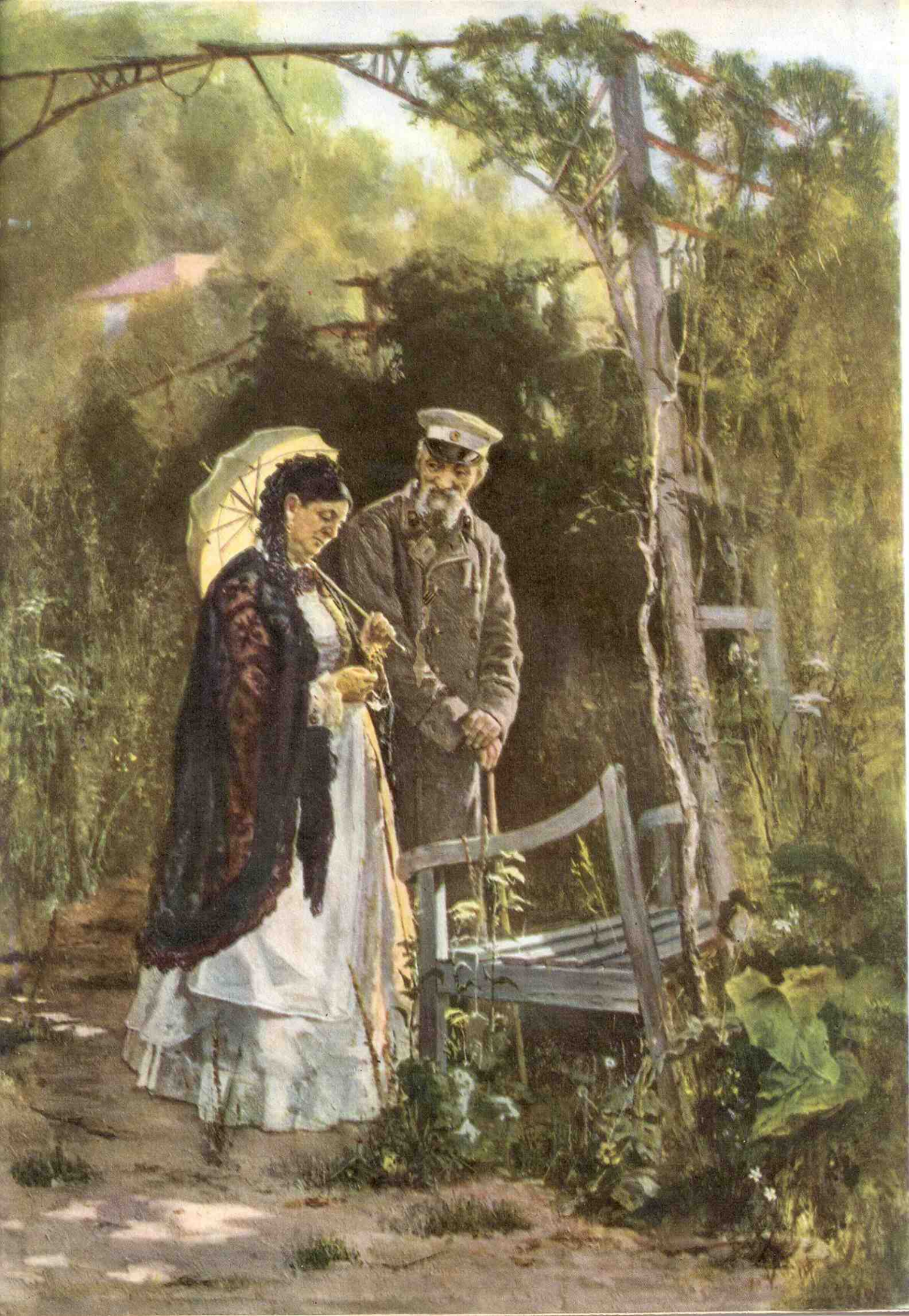

Н. РЕРИХ.

ГОРНОЕ ОЗЕРО

ЧЭНРЕЗИ. (Тибет).

Н. БОГДАНОВ. У СКАМ'Ї ПЕРВОГО СВИДАННЯ.

В МИНУВШЕМ ИЮЛЕ...

М. СТУРГА

Чем измеришь время? Минутами, часами, днями... Но кто подходит, скажем, к июлю с той лишь меркой, что в нем тридцать один день? О времени судят по событиям, которые его наполняют. И, пожалуй, никогда раньше люди не интересовались столь вплотную именно международными событиями, как сейчас. Мы раскрываем газету или журнал, как окна в собственном доме, и события, происходящие даже в самом отдаленном уголке земного шара, волнуют нас так, словно они разыгрались на нашей лестничной клетке. От этих событий зависит, будем ли мы спать мирно или нет, будем ли спокойны за будущее наших детей. И так во всем...

Если подходить с этой меркой к отошедшему в историю июлю, нетрудно уловить одну характерную черту: июль принес с собой определенную активизацию сил колониализма. Смертельно раненный хищник еще раз показал: он опасен, готов на любую авантюру, именно потому, что дни его сочтены. В колчане колонизаторов много отравленных стрел — прямая агрессия, агрессия косвенная, подрывная деятельность, дипломатический нажим, шантаж и т. д. И эти отравленные стрелы были пущены во многие районы земного шара.

Южный Вьетнам. Здесь — неприкрытая агрессия американского империализма. В конце месяца президент США дал указание значительно увеличить военную помощь марионеточному режиму генерала Кханя. Смысл этого шага? Попытки задушить национально-освободительное движение южновьетнамского населения, а также распространить войну на Демократическую Республику Вьетнам. Недаром газета «Нью-Йорк таймс» угрожающе писала, что ДРВ — это не «священная корова», которая может рассчитывать на неприкосновенность. А генерал Кхань выдвинул провокационный лозунг: «На Север!». И вот уже диверсионно-десантные группы марионеточных войск под руководством американских инструкторов сбрасываются на территорию ДРВ. США обещали удвоить авиацию Южного Вьетнама, а полторы тысячи южновьетнамских летчиков срочно обучаются за океаном.

Грозовые тучи по-прежнему висят над Лаосом и Камбоджей. Вопреки Женевским соглашениям, США оставили в Лаосе свой военный персонал и продолжают оказывать одностороннюю военную помощь реакционным силам страны. Грубо нарушая суверенитет Лаоса, американская авиация совершает разведывательные полеты над территорией страны, бомбардирует и обстреливает районы, контролируемые патриотическими силами Патет Лао. В то же время колонизаторы покушаются на нейтралитет Камбоджи. Как заявил глава государства Камбоджи принц Нородом Сианук, Вашингтон хочет изменить режим его страны, чтобы она покорно вложила шею в ярмо агрессивного блока СЕАТО.

Теперь посмотрим, что происходит в Латинской Америке. США не прекращают попыток задушить Кубу. В конце июля в Вашингтоне госдепартамент созвал совещание министров иностранных дел стран — членов Организации американских государств (ОАГ). В результате грубого нажима США было принято решение применить пресловутые «коллективные санкции» против Кубы — не поддерживать с ней дипломатических отношений, прекратить торговлю. Вот как мало считаются в Вашингтоне с международным правом, подменяют его грубейшим посягательством на суверенитет независимого государства! Вашингтону, однако, не удалось «выкрутить руки» всем участникам совещания. Мексика, Чили, Боливия и Уругвай голосовали против, а Аргентина воздержалась.

Но американские колонизаторы не довольствуются только дипломатическим и экономическим нажимом на Кубу. Используя свою военную базу, расположенную на кубинской земле, США продолжают военные провокации. 19 июля в районе этой базы был убит молодой кубинский солдат — девятнадцатилетний Рамон Лопес Пенья. Злодейское убийство возмутило мир. И не случайно, что оно произошло в канун открытия вышеупомянутого совещания в Вашингтоне. Звенья одной цепи!

Африка и Арабский Восток... И здесь в июле активизировались колонизаторы. Англия продолжает силой оружия вмешиваться в дела Адена, Омана, Южной Аравии. В Алжире колонизаторы спровоцировали контрреволюционный мятеж, поднятый бывшим полковником Шабани. За ним стояли именно те империалистические силы, которые заинтересованы в нефтяных богатствах Сахары. Агентура колонизаторов организовала диверсионный акт — взрыв на египетском судне «Звезда Александрии», когда оно бросило якорь в морском порту города Аннаба (Алжир).

Колонизаторские провокации и агрессия имеют один источник. Прошедший месяц вновь подтверждает это. В Вашингтоне были предприняты шаги, которые увеличивают международную напряженность, способствуют ракетно-ядерному вооружению западногерманских реваншистов. Что это за шаги? Во-первых, подготовка к пуску в плавание американского эсминца-ракетоносца «Бидл» со смешанной командой из офицеров и матросов стран НАТО. Плавание «Бидла» должно стать первой пробой в создании многосторонних ядерных сил НАТО. Во-вторых, правительство США заключило с военным блоком НАТО соглашение о передаче ему различной информации, касающейся ядерного оружия. Это соглашение ведет к распространению ядерного оружия и, что опаснее всего, дает возможность боннским реваншистам ускорить ракетно-ядерное вооружение бундесвера.

Но июльский календарь насыщен и другими событиями, которые говорят в мире изо дня в день растут силы, способные обуздать агрессоров и колонизаторов.

Народы разбуженных континентов еще больше сплачивают ряды. В Каире под сводами конференц-зала Лиги арабских стран заседала Вторая Всеафриканская конференция глав государств и правительств. Конференция приняла решения, которые еще больше укрепляют единство африканских стран в борьбе за окончательное искоренение колониализма на «черном континенте». Успешной была и конференция за превращение бассейна Средиземного моря в безъядерную зону, которая состоялась в Алжире. Молодая Алжирская республика подавила контрреволюционный мятеж. Республика Куба встретила свой национальный праздник — день 26 июля большими успехами в труде, непреклонной готовностью противостоять проискам американских империалистов.

Советский человек, открывая каждый день газету, с гордостью убеждается в том, что его страна активно борется за мир и разрядку международной напряженности, одерживая победы.

Москва по-прежнему является центром дипломатической активности, девиз которой — мир. Об этом свидетельствует хотя бы простой перечень акций Советского правительства: меморандум о мерах по повышению эффективности ООН, предложение о созыве нового международного совещания по Лаосу, ноты, предупреждающие об опасности создания многосторонних ядерных сил НАТО, об опасности передачи ядерных секретов в руки Бонна и т. д. На конец июля пришлось важные визиты: приезд в Москву генерального секретаря ООН У Тана и министра иностранных дел Англии Батлера.

Главным событием внутренней жизни нашей страны была, безусловно, сессия Верховного Совета СССР, принявшая решения, которые ярче всего свидетельствуют о поступательном движении Страны Советов к коммунизму.

А что происходит по ту сторону железного занавеса? Обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс» Сульцбергер, анализируя доклад Информационного агентства США, пишет, что даже «для миллионов немарксистов капитализма — это ругательное слово... для них это слово означает незначительную заботу о бедных, несправедливое распределение богатств и чрезмерное влияние богатых». Что ж, скажем мы, так оно и есть!

Такова вкратце история июля. В нем не только тридцать один день, но и бесчисленное количество событий, из которых складывается жизнь людей на планете.

Чужой Человек

А. БОЙКО,
С. БАБЕНЬШЕВА

Когда Наталье Давыдовой исполнилось двенадцать лет, у нее умерла мать. Детство на этом кончилось.

Замуж вышла рано, тогда же переехала из станицы Георгиевской в Туапсе, где работал муж. Все поначалу складывалось хорошо: поступила работать на судоремонтный завод, училась в вечерней школе. Но война перетасовала все планы. Муж ушел на фронт и не вернулся. Осталась Наташа одна. Впрочем, на одиночество она не очень жаловалась. На заводе к ней относились хорошо. Она приобрела специальность: стала наладчицей станков. Дали комнату в новом доме. По вечерам вновь стала ходить в школу. Работала в бригаде коммунистического труда. Несколько лет кряду выбирали ее депутатом городского Совета.

Все это предыстория. А история начинается с обычного утра 1961 года, когда директор судоремонтного завода Семен Лазаревич Чертков вызвал к себе Наташу и сказал:

— Хочу с тобой посоветоваться. Может, слышала про семью Скляренко? Шестеро детей. Отец и мать умерли. Дети без призора. Вчера говорили о них на исполкоме. Решили, было, отдать ребят в детдом, да не хочется разлучать.

На другой день после разговора с директором Наталья Семеновна вместе с членами женского совета пошла на Садовую, 14, где жили Скляренко. Дом как дом. И трава растет во дворе, как всюду, и цветы цветут. Но, войдя в квартиру, женщины растерялись. Давно не приходилось видеть им такого запустения.

Наталья Семеновна поняла, что не уйдет из этого дома, пока не наведет порядка, пока не отмоет, не накормит, не приласкает ребят.

На следующий день она пришла к директору. Села. Помолчала.

— Может, мне все же взять опеку? — словно бы спрашивая совета, сказала Наталья Семеновна.

— И я так думаю, Наташа. И в горсовете говорил: завод будет отцом, а мать мы найдем.

Первой трудностью, с которой столкнулась Наталья Семеновна, оказалось недоверие. Недоверие родственников.

Жила в Туапсе старшая дочь Скляренко, Лида. Обремененная собственными заботами, она мало чем могла помочь братьям и сестрам. Но и на чужую женщину не надеялась. Самым лучшим, по ее мнению, было бы, если б опекунами стали дедушка и бабушка. Старики жили в другом городе. Взять на себя заботу о всех внуках они не решались, но, как и Лида, испугались появления в доме чужой женщины. Трудно было представить старым людям, что посторонняя женщина сможет стать матерью их внукам.

Три раза обсуждался вопрос на исполкоме: ни старики, ни Лида не хотели

Часто приходят девочки на родной завод, к тете Наташе.

Володя очень хочет быть моряком.
Фото А. ШАПИРО.

признать Наталью Семеновну опекушкой.

— Кто прощался, кто слезами умылся, — рассказывает об этом времени Наталья Семеновна. — А я уже отступить не могу, и малыши — Люда и Оля — от меня не отходят. Ох, сколько разговоров, волнений разных было!.. Ну, в конце концов уговорили наши, заводские, стариков. Согласились они доверить мне детей. Только самую младшенькую, четырехлетнюю Наташу, взяли с собой. Пусть, мол, хоть она со своими поживет. Я не возражала. Пусть.

А совсем недавно Наталья Семеновна получила письмо от бабушки Скляренко: «Я очень и очень вам благодарна, и вашей заводской общественности, и дирекции, и женсовету. После того как я побывала у вас летом, крепко поняла, что нам невозможно справиться с ребятами, не в силах мы овладеть таким делом... А Наташе скоро надо поступать учиться. Где и как? Это меня сильно беспокоит. Я очень бы хотела знать, какого вы мнения по этому поводу. Оставить ее при себе я не имею никакой возможности по состоянию здоровья, определить к кому-нибудь из родственников нет желания. Наташа всегда вспоминает своих сестер, братьев и часто спрашивает: «Когда мы поедем к тете Наташе и до моих сестричек и братиков?»

Наталья Семеновна, посоветуйтесь со старшими детками и напишите, как вы считаете».

И еще одно письмо, уже от Лиды. Прислала она его в день 8 Марта по городской почте. «Дорогая, милая тетя Наташа, — писала Лида, — чего бы вам только пожелать? Очень хочется пожелать чего-то сверхъестественного».

ЛЬГОТЫ ДЛЯ СТУДЕНТОВ

Какой отпуск предоставляется студентам для сдачи экзаменов, зачетов и лабораторных работ?

Студентам 1-го и 2-го курсов вечерних вузов — на 20 календарных дней; учащимся первых двух курсов вечерних средних специальных учебных заведений — на 10 календарных дней; студентам-заочникам вузов и техникумов тех же курсов — на 30 календарных дней ежегодно.

Студентам вузов начиная с 3-го курса дополнительный отпуск для этих же целей предоставляется на 30 календарных дней; учащимся вечерних средних специальных учебных заведений начиная с 3-го курса — на 20 календарных дней; студентам-заочникам высших и средних учебных заведений тех же курсов — на 40 дней ежегодно.

Эти отпуска можно использовать не сразу, а в течение года, по частям, в зависимости от того, как идет сдача экзаменов, зачетов, лабораторных работ.

Какой продолжительности отпуск полагается студентам для защиты диплома или сдачи госэкзаменов?

Для сдачи государственных экзаменов студентам заочных и вечерних высших и средних учебных заведений предоставляется отпуск на 30 календарных дней: для подготовки и защиты дипломного проекта или дипломной работы студентам вузов дается 4 месяца, учащимся вечерних и заочных средних специальных учебных заведений — 2 месяца.

Все дополнительные отпуска студентам, обучающимся без отрыва от производства, предоставляются с сохранением средней заработной платы, но не свыше 100 рублей в месяц для студентов вузов и 80 рублей — для учащихся средних специальных учебных заведений.

По рекомендации учебных заведений руководители предприятий и учреждений могут предоставлять студентам последних курсов дополнительные месячные отпуска без сохранения содержания для прохождения преддипломной практики. В таком случае студенты получают стипендию на общих основаниях.

Оплачивается ли студентам-заочникам проезд к месту нахождения учебного заведения?

Один раз в год предприятие оплачивает половину стоимости проезда к месту сдачи экзаменов, зачетов и проведения лабораторных работ и обратно.

М. СВИСТУНОВА, юрист

Как же удалось Наталье Семеновне добиться того, что за три года ее признали не только дети, но и те, кто прежде противился приходу в дом «чужой женщины»?

Но предоставим лучше слово самой Наталье Семеновне. Вот как она рассказывает о первых днях своего опекуна:

— Как пришли мы с женщинами в разоренный дом, так и порешили: надо прежде всего с детьми лучше познакомиться. Начала я ходить в интернат — старшеньких двух туда еще при родителях определили. Пришла к Тоне. Вижу, все мальчишки и девочки в поход собираются. «А ты, Тонечка, идешь в поход?» — спрашиваю. «Нет, не иду: на ноги надеть нечего». Дети, знаете, как обувь стаптывают быстро! Я ничего тогда не сказала Тоне, только от нее сразу на завод, к директору. Мне Семен Лазаревич обещал: «Как что надо будет, приходи». Ну, выписали кеды — и не только Тоне, а и Вовочке тоже.

Долго думала, чем бы младших порадовать. И надумала. Завернула к сестре, у нее сад свой, нарвала фруктов. Так со всеми детьми и перезнакомилась. А через несколько дней звонок из интерната: забирайте, мол, детей на каникулы. После работы собрались мы, члены женсовета, и драили и чистили все в доме, обои новые наклеили, каждая принесла с собой кто дорожку, кто занавеску. Очень уж всем нам хотелось, чтобы в доме уютнее стало.

Сварила я обед, накрыли по-праздничному стол. Кто-то притащил букет роз. Принесли и подарки от завода. (С тех пор у нас так и повелось: все семейные праздники вместе с заводом отмечаем.) Ну, дождалась мы ребят из интерната, за стол усадили. И до того у нас весело стало, до того интересно!..

Может, этот совместный обед и был первым шагом к возрождению семьи?

Ничего не зная о Макаренко, Наталья Семеновна следует его советам. Если кому-то из детей надо что-то купить, Наталья Семеновна не сама решает этот вопрос — она советуется с ребятами. Выросла Тоня, поехала в Лабинск, в техникум. Наталья Семеновна собрала ребят; вместе они решили, что купить Тоне из вещей, сколько денег отложить на поездку домой, в Туапсе.

Хозяйство Наталья Семеновна ведет бережливо, умело. И все, что можно, делает в доме своими руками. Она и стирает, и варит, и штопает. И вокруг нее всегда атмосфера добра, радости, спокойствия.

Но как бы ни была налажена жизнь в семье, а трудности бывают. Иногда они, может быть, и незначительны, но отмахнуться от них нельзя. Узнала их и тетя Наташа — так называют теперь ребята Наталью Семеновну.

Праздновала как-то семья день рождения Вовы. Было все, как обычно. Праздничный стол, подарки. Тетя Наташа сшила в подарок имениннику брюки. Вова поблагодарил, а когда гости разошлись, взял в руки сантиметр, измерил ширину манжет и сказал укоризненно:

— Девятнадцать сантиметров!

Тетя Наташа смотрела непонимающе.

— Надо же восемнадцать! — пояснил мальчишка.

Тетя Наташа, конечно, была огорчена. Проще всего было бы сузить брюки, но

ей казалось неправильным потакать парню, поощрять его бестактность. Она сделала вид, что забыла обо всей этой истории. И только спустя много времени, когда Вова надел брюки, молча сузила их на этот злополучный сантиметр.

Ребята с каждым днем все больше привязывались к Наталье Семеновне, а младшая, Людочка, даже как-то сказала ей: «Тетя Наташа, можно я буду звать вас мамой?»

Наверное, трудно, почти невозможно больше обрадовать одинокую женщину. Да она больше и не была одинокой. И Оля, и Вовочка, и Тоня, без конца славшая добрые, заботливые письма, были ласковы, внимательны, послушны.

Совсем неожиданно подкралась беда: старший из ребят, Толик, уже работавший на заводе, стал выпивать.

Попробовала Наталья Семеновна поговорить с Толиком. Он выслушал ее, сделал вид, что раскаялся, а через несколько дней все повторилось. А однажды пьяный буркнул: «Не нравится — уходите».

— Я не сама, Толик, пришла к вам, — заметила Наталья Семеновна, — это ж мое партийное поручение.

Произносила спокойные слова, а сердце сжималось от боли.

И тогда же решила уйти, вернуться к себе, в свою комнату: пусть Толик одумается. Она не собиралась расставаться с ребятами и, уходя, знала, что так же будет заботиться о них. И заботилась: брала малышек к себе, купала, кормила.

Толик попробовал было запретить ребятам ходить к тете Наташе, но оказалось: это не в его власти. Вскоре Толик и сам понял, что чужая женщина стала родной для его сестренки и брата. Да и сам он ощутил, как пусто, холодно и неуютно в доме без тети Наташи. Кончилась вся эта история тем, что Толик сам пришел к Наталье Семеновне. «Вы, тетя Наташа, приходите домой. И не обращайтесь внимания, что там не прибрано. Я после работы приду — уберу».

— Хорошо, Толик, — коротко ответила Наталья Семеновна.

Долго ли мать может таить обиду на сына!

А зимой этого года поехала Наталья Семеновна в гости к Тоне, пожила у нее несколько дней. Вернулась в Туапсе. Встречал ее Толик.

— С приездом, тетя Наташа!

— Спасибо, Толик. Дома все в порядке?

Толик потупился.

— Тетя Наташа, я невесту привел. Мы все очень вас ждем.

Шла Наталья Семеновна и думала: как-то все теперь сложится? Как отнесутся к этому событию младшие? Но все оказалось лучше, чем думала: невестка Галя всем пришлась по душе. С ее приходом в доме появились книги, выписали «Комсомольскую правду».

Сейчас на Садовой, 14, ждут маленькую Наташу. Бабушка должна привезти ее в Туапсе. Конечно же, с ее приездом появятся новые трудности! Но что делать? Семья должна быть вместе.

Прав оказался Семен Лазаревич Чертков: завод стал детям отцом, а чужая женщина — Наталья Семеновна — матерью. И трудности у нее материнские. И заботы. И радости.

г. Туапсе.

Представим себе такую беседу делового порядка:

— Ну-с, Иван Иванович, а что будем делать с этим самым... как его... с металлургическим комбинатом?

— А что с ним, Петр Петрович? Да если помните, Иван Иванович, позавчера мы его перекинули из главка в трест, вчера перебрали из треста в совнархоз, а вот куда его сегодня девать — ума не приложу...

— М-да, задачка... Я так полагаю, Петр Петрович, что желательнее было бы этот... как его... комбинат вовсе упразднить. И никаких тогда хлопот у нас с ним не будет. А?

— Свежая мысль, Иван Иванович! Оригинальное решение! А рабочих и вообще весь персонал переквалифицировать ну хотя бы в лесорубы.

— Или в шахтеры.

— Или в монтеры.

— И все будет в ажуре, Иван Иванович! В прелестном виде, Петр Петрович!

Составляйте быстренько приказки... Конечно, вы уже спешите упрекнуть фельетониста в беспочвенной фантазии, абсурдном преувеличении и тому подобных грехах.

Упрек охотно принимаю.

Судьба крупных предприятий и тысяч людей не решается так шутя-играючи, мимоходом, с кондачка.

Однако иные Иван Ивановичи и Петры Петровичи позволяют себе именно таким лихим образом решать судьбы предприятий небольших, невидных, не возглавляющих списки гигантов нашей индустрии. К примеру, цехов массового пошива одежды. И вот как это происходит.

производстве — довольно-таки смутное понятие.

И швейный цех попадает в положение подкидыша.

Да, может быть, «подкидыш» — именно то звание, которое лучше всего подходит сегодня швейному цеху. Из 29 машин, числящихся в цехе, реально существуют 25. Четыре машины разобраны на запасные части (поскольку другие способы добычи запасных частей в Нововольинске пока что себя не оправдали). Из этих 25 машин 23 нуждаются в ремонте — текущем или капитальном. Итого — 2 (две) добротные швейные машины на 78 работников.

Рисунки В. ЖИТНИКОВА.

комбинат подсунили луганскому тресту «Стройиндустрия» Донецкого совнархоза.

Швейные изделия имеют к стройиндустрии весьма отдаленное отношение, и поэтому цех, а стало быть, и весь его персонал тут же стали именоваться на изящном административно-хозяйственном диалекте «неплановыми».

На практике эта «неплановость» означала, что какими бы лучезарными показателями ни блистал швейный цех, он остается для треста досадной обузой. Поэтому, с точки зрения руководителей треста и директора промкомбината тов. Горобца, чем скорее «прикрыть» цех, тем будет лучше.

И вот в один далеко не прекрасный день лозно-александровские швеи, придя на работу, с изумлением узнали, что отныне они вовсе не швеи, а работницы кирпичного цеха.

Понятно, швеи тут же пожаловались директору на этот удручающий поворот судьбы. Однако у директора были на сей счет свои соображения.

— Насиделись за своими машинками, хватит. Вот вы теперь здесь повоюйте, так сказать, на переднем крае. В поте лица, как говорится...

Между тем «передний край» был, прямо сказать, совсем не приспособлен для женского труда. Из-за неисправных путей, например, вагонетку с кирпичом едва можно сдвинуть с места вчетвером. И не удивительно, что добрая половина работниц тут же ушла из кирпичного цеха.

Когда кончился сезон «выпечки» кирпичей, швейный цех снова организовали, и он даже стал перевыполнять план. Но вот уже полгода, как цех «прикрыт»

Три года назад при комбинате бытового обслуживания города Нововольинска, Волынской области, был создан цех швейных изделий. Цех как цех: тут и заботы о выполнении плана, и успехи, и срывы, и дружба, и конфликты. Обычная трудовая жизнь с ее радостями и печалью, тревогами и устремлениями. Жизнь эта день ото дня налаживалась, устраивалась, входила в доброе русло. Цех перевыполнял план. Между бригадами развертывалось соревнование.

Так прошло полтора года. Срок не очень большой. И вдруг работникам Волынского облисполкома пришла в голову идея: «А не провести ли со швейным цехом реформу? Авось, да что-нибудь доброе получится...»

Одним мановением авторучки изъяли цех из Нововольинского горкомбината, и перебрали его в подчинение Иваничевскому райпромкомбинату. Соответственно перекочевал цех из ведения областного управления бытового обслуживания под опеку управления местной промышленности.

Там, в поселке Иваничи, далеко от Нововольинска, и пребывало теперь новое начальство швейного цеха.

Впрочем, не успели еще нововольинские швеи свыкнуться с новым начальством, как снова грянул административный гром и опять появились на свет не подлежащие обжалованию директивы. На этот раз швейный цех перекинули во Владимир-Волынский промкомбинат, который состоит уже не в ведомстве Волынского облисполкома, а под началом Львовского совнархоза.

После всех этих коловращений получилась так, что швейный цех попал в подчинение Владимир-Волынского... мебельной фабрики. Фабрика выпускает шкафы и кровати, гардеробы и диваны. Цех — предметы женского туалета. Понятно, что руководители фабрики имеют об этих предметах — или, во всяком случае, об их

Шить — это не дрова рубить. Дрова можно рубить и при лунном свете. Но попробуйте-на прострочить изящный шов, если освещенность цеха влпятеро ниже нормальной...

Когда в совнархозе заходит речь о мебельной фабрике, «подкидыша», разумеется, никто не вспоминает. И никаких фондов на оборудование цеха не выделяется.

Обидеть «подкидыша» нетрудно, и директор мебельной фабрики тов. Игнатенко это хорошо понимает. Поэтому он, не терпящая угрозы совести, храбро нарушает в цехе трудовое законодательство, одним махом ломает утвердившуюся схему разделения труда, смело вводит свои собственные расценки. А на любые критические замечания работниц с любезной ухмылочкой отвечает:

— Не нравится? Скатертью дорога. Я вас не задерживаю...

Правда, когда у директора хорошее настроение, он оттаивает:

— Красный уголок? Организуем!

— Собрание? Проведем!

Но дальше щедрых обещаний дело не идет.

В конце концов нововольинским швеям надоело ходить в «подкидышах», и они написали письмо в редакцию. Член общественного совета «Работницы» А. П. Волкова побывала в цехе, встретила и с теми, кому надлежит вестись «подкидыш». И все они в один голос говорили: — Да, конечно, швейный цех оказался в нелепом положении. Да, конечно, надо это положение менять...

Как будто это было неясно до приезда представителя журнала!

Впрочем, нововольинские швеи хоть и с грехом пополам, да все-таки работают по специальности. А вот работницы швейного цеха Лозно-Александровского промкомбината Луганской области даже и этого лишены. Сперва комбинат был в системе местной промышленности. Потом, когда эту систему решили перестроить,

наглухо, и тов. Горобец на любые наводящие вопросы раздраженно отвечает: — Ах, не говорите мне об этих нитках, швах и челноках! У меня планы, у меня перспективы, а вы с такими мелочами!..

Стоит заметить в скобках, что планы и перспективы у директора не ахти какие завидные. В трех цехах комбината осталось так мало работников, что чуть ли не на каждого приходится по одной административно-хозяйственной единице.

Зато нет «досадной обузы». И не слышно стрекотания швейных машинок, которое отвлекало бы от размышлений над проблемами стройиндустрии...

В общем, хотелось бы повторить.

У нас в стране немало крупных заводов и фабрик, которые, что называется, у всех на виду. Они — на столбовой дорожке развития нашей промышленности. И, конечно, с ними никогда не может случиться что-нибудь похожее на то, что стряслось с нововольинским или лозно-александровским швейными цехами.

Но у нас имеются и тысячи небольших, «малозаметных» производств. И предприятия эти находятся не где-то в стороне от столбовой дорожки, на пыльной обочине большой жизни. Нет, и для них действительны те же самые законы, правила и порядки, которые существуют на крупных наших заводах, комбинатах, фабриках.

И если швейные цехи, о которых шла речь, оказались все-таки на обочине, то случилось это, как мы видели, по особой причине. По северной причине. Случилось это потому, что некоторые волыньские, львовские, луганские и донецкие хозяйственники, увлекшись сверх меры административным реформаторством, забыли о главном. Запаятовали они о том, что речь идет не только о четырех стенах цеха, не только о швейных машинах, о сырье и фондах, о плане и себестоимости и т. д., но прежде всего о женщинах-работницах.

ВЫВЕСТИ НА ЧИСТУЮ ВОДУ

Означает это выражение разоблачить, выявить правду. «Выводят на чистую воду» бездельников, туеядцев, расхитителей, очковтирателей, обманщиков и т. д.

Откуда оно, это выражение?

У многих народов встарь людей, подозреваемых в преступлениях, подвергали испытаниям водой или огнем. Человек, например, должен был пронести в голой руке кусок раскаленного железа, и если на руке появлялись ожоги, это рассматривалось как бесспорное доказательство его вины. Нечто подобное происходило и при испытании водой. Обвиняемого выводили к чистой воде (вода считалась чистой стихией) и бросали его в воду. Если он всплывал, то это означало, что чистая вода его не принимает, и, следовательно, он виновен. А если тонул, то, значит, на него была возведена напраслина.

В «Русской правде», своде древнейших законов Ярослава Мудрого, были особые статьи об испытании огнем и водой. От этих испытаний у нас и сохранились выражения: «вывести на чистую воду»; об унылом человеке — «как в воду опущенный»; о бывалом — «он прошел через огонь и воду».

И. УРАЗОВ

Читатели спрашивают

НЕЛЬЗЯ ЛИ БЕЗ ШТАМПОВ?

Часто приходится слышать, что русский язык богат, разнообразен, красив. Но почему он становится таким однообразным, когда, скажем, передают по радио последние известия? Неужели нельзя подобрать новые слова и выражения?

Вот слово «труженики». Агроном — труженик, комбайнер — труженик, кукурузовод — труженик, птичница — труженик, на фабриках и заводах — тоже труженики. Ну пусть бы один раз сказали «труженик», а дальше уже «трудящийся», «рабочий», «колхозник».

И еще мне хочется спросить: почему по радио говорят Николавна, Андревна, Сергевна вместо Николаевна, Андреевна, Сергеевна? Разве это правильнее или красивее?

Я сама, может, не совсем правильно выражаю свои

мысли, но когда слышишь по радио неправильные выражения, делается и досадно и обидно.

ЗГУРСКАЯ

Успенка, Березовского района, Кемеровской области.

НАЗОЙЛИВАЯ «ПАРА»

Читая наши газеты и журналы, я обратил внимание на ряд уродливых выражений, вроде: пара часов, пара месяцев и т. д. и т. п.

В русском литературном языке есть выражения: пара сапог, пара чулок, пара гнedyх. Но таких выражений, какие я привел выше, никогда не было. А ведь по нашим газетам, журналам тысячи и тысячи людей учатся, как правильно по-русски писать, как правильно говорить. Не удивительно, что в автобусе или троллейбусе вы можете услышать: «Оторвите мне пару билетов» — или в магазине: «Отпустите мне пару апельсинов».

Конечно, в разговорной речи и в жаргонах всякое бывает. Но это совершенно не значит, что такого рода выражения надо тащить в литературный язык.

А. СМИЛЬГИН

Москва.

Отвечает кандидат филологических наук А. Степанов

Нельзя не согласиться с выступлением тов. Згурской против речевых шаблонов, еще встречающихся как в печати, так и в передачах по радио и телевидению.

Слово должно точно выражать мысль.

Работать — слово разговорное, «нейтральное», заключающее в себе просто информацию: работает человек, предприятие, учреждение. Оно употребляется также, если при нем есть дополнение в творительном падеже (работает шофером, а не трудится шофером) или если речь идет о машине или механизме (трактор работает, а не трудится).

Слово трудиться включает в себе оценку (трудиться — значит, работать в полную силу, хорошо) и поэтому несколько приподнятое. Употреблять его следует в определенных случаях: когда необходимо подчеркнуть особую значимость события. Неуместное употребление «приподнятого» трудиться вместо простого работать привело к не всегда оправданному употреблению другого «высокого» слова — труженики.

А вот с возражением тов. Згурской против употребления в устной речи «сокращенных» отчеств — Николавна, Сергеевна, Дмитрич вместо Николаевна, Сергеевна, Дмитриевич согласиться трудно.

Укороченное произношение отчеств — исторически сложившаяся закономерность устной литературной речи. Издавна оно было характерным для московского произношения, которое, кстати, считалось образцовым и исторически легло в основу литературного произношения. Помните, у Грибоедова в «Горе от ума»: «Что станет говорить княгиня Марья Алексевна!»

Устная речь не всегда совпадает с письменной, в данном случае мы видим одно из подтверждений ее своеобразия.

Вопрос, поднятый тов. Смильгиным, не так прост, как может показаться сначала. Против употребления слова «пара» применительно к непарным предметам в свое время горячо возражал писатель Ф. В. Гладков.

Но грубое ли в самом деле нарушение норм литературной речи — свободное, не ограниченное парными предметами употребление этого слова? Думается, что нет. Во-первых, такое словупотребление является массовым, очень характерным для нашей разговорной речи; во-вторых, оно подтверждается солидной литературной традицией. Его можно встретить в художественной литературе: «пара змей» у Лермонтова, «пара гусей» у Тургенева, «пара строк» у Лескова, «пара окон» у Горького, «пара мыслей» у Пришвина, а также в сочинениях В. И. Ленина: «пара недель», «пара слов» и т. п.

ПРОВЕРЬТЕ СЕБЯ, правильно ли вы делаете ударение

- приглуши́ть, приглуши́шь
- прида́ное
- призы́в
- принци́п
- приобретё́ние
- приро́б
- пристыже́нный
- произнесё́нный
- пропе́рчить
- просмо́тровый
- прóстыня (мн. прóстыни,
- прóстынь, прóстыням)
- псевдо́ним
- пряди́льный
- чухо́вый
- разобше́нный
- разреже́нный
- раку́рс
- раку́шка

- ра́порт (у моряков — рапо́рт)
- раска́ние
- раскли́нить
- расплетё́нный
- рассерди́ться
- раструби́шь
- расхоложе́нный
- расщепле́нный
- револьве́р
- ржа́веть
- рома́н
- рудни́к
- руководи́шь
- сантиме́тр
- све́кла
- си́лос
- сирота́ (мн. сирóты)
- ско́льких, ско́льким
- случа́й
- сме́тливость
- снорови́стость
- созы́в
- со́мкнутый
- со́ришь

Буква ё показывает одновременно и произношение (ё, а не е) и место ударения.

Отдел ведет доктор филологических наук А. И. ЕФИМОВ.

На сладкое ЯБЛОКИ

ЯБЛОКИ ПЕЧЕННЫЕ

Яблоки вымойте и удалите сердцевину с семенами. В образовавшееся отверстие насыпьте сахарного песка или заполните его вареньем, изюмом, орехами. На противень налейте немного воды и уложите подготовленные яблоки. Запекать их надо в духовке в течение 15—20 минут, в зависимости от величины и сорта яблок. При подаче на стол холодные или горячие яблоки разложите на десертные тарелки, посыпьте сахаром или полейте клюквенным сиропом. Отдельно подайте холодное молоко.

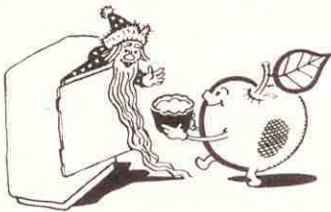
Можно запекать яблоки не на противне, а сразу на блюде. При этом они не подгорают.

ВОЗДУШНЫЙ ПИРОГ ИЗ ЯБЛОК

Яблоки испеките и протрите через сито. В образовавшееся пюре добавьте сахар и немного поварите. Не охлаждая, тонкой струйкой при быстром помешивании влейте смесь во взбитые белки и затем выложите горкой на смазанную маслом сковородку. Поверхность пирога украсьте той же массой, выпуская ее из конусообразного мешочка, и выпекайте в духовке. Подавайте пирог горячим, не снимая со сковороды, посыпав сахарной пудрой. К пирогу подайте холодное кипяченое молоко или сливки.

На 100 г яблок: сахара — 3 ст. ложки, сливочного масла — 1 чайная ложка, белки шести яиц, сахарная пудра.

Рисунки В. КАЩЕНКО.

ЯБЛОЧНЫЙ МУСС

Яблоки промойте и нарежьте тонкими ломтиками, удалив семена. Залейте 2½ стаканами горячей воды и сварите их до мягкости. Слейте сок через марлю в другую посуду, а яблоки протрите сквозь сито. В яблочный сок положите сахар и замоченный желатин. Поставьте сироп на огонь, все время помешивая, доведите до кипения и затем охладите. Охлажденный сироп вылейте в глубокую кастрюлю, положите туда же яблочное пюре, немного ванилина и взбивайте металлическим венчиком или вилкой до образования пенистой массы. Как только масса слегка загустеет, быстро разлейте ее в формы или вазочки и поставьте на холод.

На 250 г яблок: сахара — ¾ стакана, желатина — 15 г.

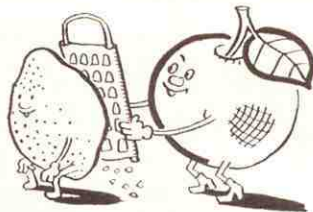
ШАРЛОТКА ИЗ ЯБЛОК

Очищенные от кожицы и семян свежие яблоки нарежьте кубиками и пересыпьте сахаром. Взбейте с сахаром яйцо и разведите молоком. С пшеничного хлеба срежьте корку, а мякиш нарежьте тонкими ломтиками. Оставшиеся от хлеба обрезки нарежьте мелкими кубиками и подсушите.

Ломтики хлеба (одну сторону) смочите в молочняничной смеси и обложите ими (смоченной стороной вниз) дно и стенки формы, смазанной маслом.

Подсушенные кусочки хлеба перемешайте с яблоками и заполните этой смесью форму. Сверху накройте ломтиками хлеба. Пеките шарлотку в духовке в течение 20 минут. После выпечки не вынимайте ее сразу из формы и только спустя десять минут выложите на блюдо или тарелку. Перед подачей на стол полейте абрикосовым или яблочным соусом.

На 200 г яблок: хлеба — 200 г, молока — полстакана, яйцо — 1, сахара — 3 столовых ложки, масла — 30 г.

ЯБЛОЧНАЯ ВОДА

Выберите сочные яблоки, обмойте, нарежьте ломтиками, удалив семена. Снимите с лимона и соедините ее с яблоками. Залейте водой, добавьте сахарный сироп и кипятите на слабом огне 15—20 минут. Остывший отвар процедите.

На 1,5 литра воды: яблок — 0,5 кг, сахара — 400 г, цедра с одного лимона.

ДЖЕМ ИЗ ЯБЛОК

Для варки джема годятся любые сорта яблок, но лучше всего использовать сорта антоновки, папировки, аниса. Вымытые плоды разрежьте на половинки, удалите сердцевину и тотчас, чтобы они не потемнели, поместите в миску со слегка подкисленной уксусом или соляной водой.

Затем яблоки переложите в таз, залейте водой (на 1 кг яблок — 1—2 стакана воды) и варите, помешивая, 10—15 минут, пока яблоки не разварятся. Если воды окажется мало, влейте еще один стакан. Таз снимите с огня, добавьте мелкий сахарный песок или сахарный сироп.

Снова поставьте таз на плиту и доведите массу до кипения, непрерывно помешивая ложкой. Продолжительность варки — 30 минут с момента закипания и полного растворения сахара. Если на поверхности увидите непроваренные, беловатые, дольки яблок, выньте их, раздавите ложкой и снова проварите со всей массой джема.

На 1 кг подготовленных к варке яблок: сахара — 1,2 кг и 2,5 стакана воды.

Если вам семнадцать лет, пользуйтесь возможностью носить жизнерадостные, легкие платья. Как бы ни были привлекательны дамские туалеты, вы будете выглядеть в них смешно. Для юности более подходят платья из легких, дешевых тканей: шерстяной, хлопчатобумажной, искусственного шелка. Фасон не должен стеснять свободу движений. Следует избегать слишком узких юбок и слишком коротких. Последние хороши для 14-летней девочки и не годятся для девушки.

Чтобы одежда была к лицу, следует считаться с особенностями фигуры. Не следует привлекать внимание к кривым, полным или слишком худым ногам узкой юбкой и высокими каблуками. Короткий рост, короткие руки, шею или талию можно зрительно удлинить, округлость или чрезмерную худобу фигуры уравновесить. Однако делать это надо осторожно. Нельзя, например, полным девушкам чересчур перетягивать поясом талию: от этого она не будет казаться стройнее. То же самое можно сказать и о слишком узких платьях и брюках: они выставляют напоказ погрешности фигуры.

Дневная одежда спортивного вида подходит семнадцатилетним. Но не всем. К спокойному, мягкому характеру девушки не пойдет подчеркнутая спортивная линия, резкие рисунки и контрастные краски, так же как девушкам бойким, подвижным, энергичным не годятся воланы, оборки и рюши.

Каждая вещь имеет свое определенное назначение. В спортивном свитере толстой вязки не ходят на танцевальный вечер, в поход не надевают шляпку, а дождевик и накидку не носят в хорошую погоду. В нарядном платье не ходят на работу или на рынок. Платье может быть очень красивым, но если оно надето не к месту, то производит впечатление безвкусного.

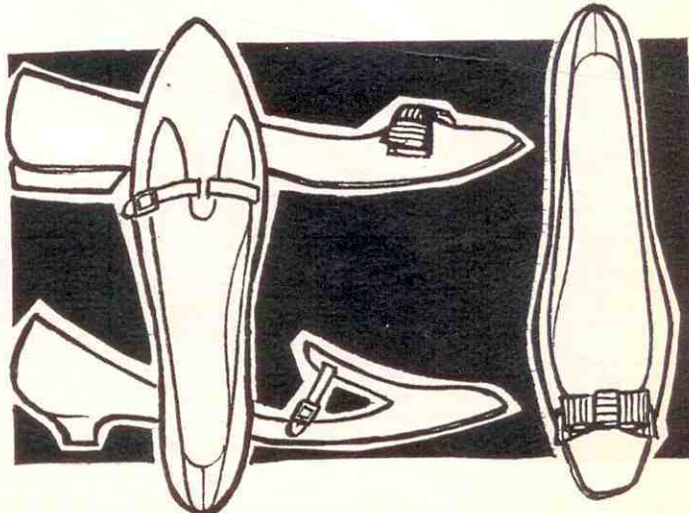
Выходное платье надевают, отправляясь в театр, на концерт или в гости. Оно должно быть недорогим, скромным и модным. Для зимы — более темное, из шерстяной ткани, для лета — посветлее, из хлопчатобумажной ткани, искусственного шелка или какого-нибудь синтетического материала. Равноценны выходному платью плиссированная юбка с нарядной блузкой.

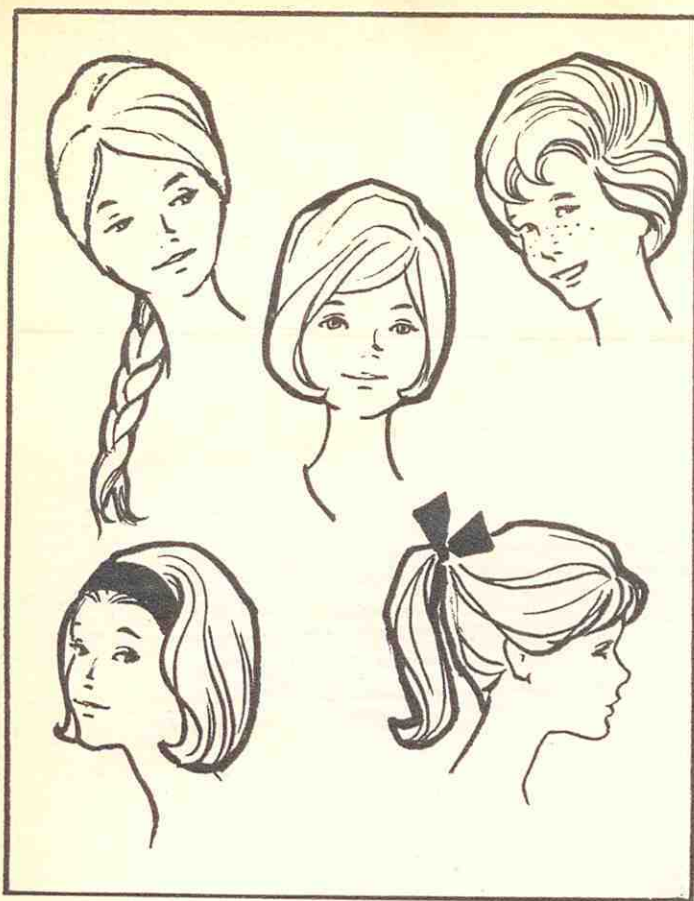
На каждый день лучше всего иметь юбки и носить их с блузками, жакетами и свитерами, сочетающимися по цвету и фасону.

Красота одежды во многом зависит от сочетания красок. Девушкам идут яркие, но не кричащие тона. К одноцветной юбке и жакету подходят пестрые блузки. Если жакет декоративного рисунка, блуза должна быть гладкой, спокойного тона. К клетчатому костюму не надевают блузки из ткани в полоску, в горошек или с набивным рисунком.

Одежда — костюмы, юбки, брюки, пальто, — выдержанная в какой-то определенной цветовой гамме, позволяет лучше сочетать их между собой. Девушкам не рекомендуется одежда мрачных цветов. Черный обычно заменяется синим. Но черное в сочетании с белым или другим цветом идет и молодежи. Не увлекайтесь лиловым цветом: он придает лицу желтоватый оттенок.

Хороший вкус и умение правильно одеваться в любых обстоятельствах не обеспечат еще безукоризненной внешности, если к этому не будет добавлено самое существенное — общая аккуратность и чистота. Производит плохое впечатление, когда дома вы носите поношенные, старые платья, в которых уже не решается показаться на улице. И дома одевайтесь так, чтобы вы всегда могли открыть дверь нежданному гостю. Для этого не нужно больше, чем чистое, выглаженное хлопчатобумажное платье. Наиболее удобная домашняя одежда —

Рисунки Н. ГОЛИКОВОЙ.

платья-халаты, фартуки-халаты, сарафаны, блузы и джемперы с юбкой или брюками.

Не всегда хорошо сидит и выглядит платье, сшитое даже в самом лучшем ателье, если на вас плохое белье. Пояс для резинки и бюстгальтер должны быть впору, не тесными, а верхнее платье настолько свободным, чтобы под ним не были заметны контуры белья. Под любое платье нужно обязательно надевать комбинацию или нижнюю юбку. К прозрачному платью сделайте специальную нижнюю юбку, можно комбинацию из хлопчатобумажной ткани или искусственного шелка, который не вытягивается. Надо следить за тем, чтобы сквозь ткань платья или блузы не просвечивали бретели.

В холодное время года никогда не носите тонкое белье, замените его теплыми. Этим вы оградите себя от простуды.

Важное значение имеет подбор дополнений. Для каждой вещи свое место и свое время.

Головной убор делайте из ткани, искусственного меха, фетра. Как можно меньше велюра; никаких искусственных цветов и вуалей.

Сейчас носят перчатки из плотного и тонкого трикотажа. Прозрачные капроновые, особенно черные, уже не модны. Зимой не следует морозить руки в тонких кожаных перчатках.

Капроновые чулки предназначены только для теплого времени года. Зимой их лучше заменить безразмерными или шерстяными.

Покупая туфли, надо учитывать особенности своей ноги. Высокий и тонкий каблук, если он подходит, пусть останется для театра, для бала. С курткой и юбкой такие туфли лучше не надевать.

Необходимое дополнение вашего туалета — сумка. Наиболее практичны сумки из искусственной кожи, так как их можно мыть. Со светлой пестрой пляжной сумкой не ходят по улице; в театр не берут сумку, которая висит на ремне через плечо.

Украшения девушкам можно носить только скромные и недорогие. Не стоит покупать украшения с дешевым блеском, претендующие на драгоценности.

И еще один вопрос, интересующий семнадцатилетних, — косметика. Как правило, девушка не нуждается в помаде и кремах, но заботиться о коже лица ей необходимо. Как бы вы ни устали за день, вечером обязательно надо вымыть лицо.

Крашенные волосы и накрашенное лицо во многом лишают юность ее естественной красоты, старят. Поэтому как можно дольше не приобретайте пудреницы, губной помады и краски для бровей.

Скромной должна быть и ваша прическа. мода сохранила для девушек короткую стрижку. Длинные, до плеч волосы лучше всего перехватывать узкой лентой. Не вышла из моды и челка: она позволяет уравновесить пропорции лица. Зеркало подскажет вам, носить ли челку прямою, целиком закрывающую лоб, или прикрыть только часть лба. Слишком длинная челка, налезаящая на глаза, придает неряшливый вид. И если родители или учителя делают замечания по прическе, значит, что-то в ней не в порядке. Очень красиво выглядит семнадцатилетняя девушка с косой. А косы снова входят в моду.

Вам можно помочь

Дорогая редакция! Мне не совсем удобно об этом писать, но все-таки я решила обратиться к вам, потому что из-за своего недостатка я последнее время стараюсь не выходить лишней раз из дому. У меня растут волосы над верхней губой и на подбородке. Посоветуйте, что делать.

Н. Н.

г. Баку.

Усиленный рост волос, как правило, результат нарушения функций желез внутренней секреции. Поэтому прежде всего женщине нужно показаться врачу-эндокринологу, чтобы выяснить причину нежелательного роста волос, и лечить ее.

С давних пор люди ищут средства для удаления волос на лице, а также на руках и ногах. Самым простым, но, увы, несовершенным является механическое удаление бритвой или пинцетом. Не советуем делать это: волосы станут расти еще сильнее и сделаются жесткими.

Некоторое время считалось полезным протирать кожу рук и ног пемзой. Несмотря на, казалось бы, положительный эффект, волосы начинают расти еще быстрее и становятся густыми.

Применение химических средств, так называемых депиляторов, вызывает только временное коркового слоя выступающей части волоса, не оказывая разру-

шающего действия на его корень. Кроме того, действие депиляторов кратковременно. А длительное их применение вызывает раздражение и также ведет к усилению роста волос.

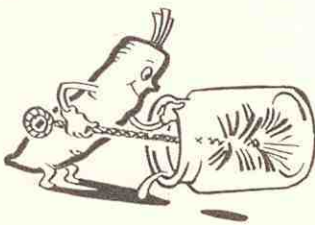
Что можно порекомендовать? В домашних условиях можно применять обесцвечивающие волос трех-десятипроцентные растворы перекиси водорода со слабой щелочью (несколько капель нашатырного спирта на 50 г перекиси). Десятипроцентный раствор перекиси водорода действует быстро. Смазывать волосы раствором нужно несколько раз в день или по одному разу ежедневно до их полного обесцвечивания. (Десятипроцентный раствор перекиси ни в коем случае нельзя применять для обесцвечивания волос на голове: это приведет к их выпадению).

К радикальным методам удаления волос относится электроэпиляция, то есть удаление при помощи электрического тока. При этом разрушается корень волоса и питающие сосуды. Применять этот метод можно только в условиях косметической лечебницы, чтобы не вызвать шрамов и рубцов на коже.

Во многих больших городах работают косметические лечебницы, где вы сможете получить квалифицированную консультацию и лечение.

И. ГРОМ-ВРУБЛЕВСКАЯ,
врач-косметолог

Для домашних консервов

Сейчас многие занимаются домашним консервированием овощей и ягод. Но вот беда: не хватает крышек для банок, и их не всегда купишь. Как же быть в таких случаях?

Вот что советует научный сотрудник Института питания АМН СССР Э. В. КОЧЕТКОВА.

Укупоривать банки можно кружками из жести с последующей заливкой их смолой. Жестяные кружки и смолку нетрудно приготовить самим. Кружки должны быть правильной формы и помещаться на внутреннем

бортике горла стеклянной банки. Чтобы они прилегали плотнее, рекомендуется края их несколько отогнуть кверху — на 2—3 мм. Перед употреблением кружки (впрочем, как и банки) надо промыть, прошпарить и тщательно высушить.

После стерилизации консервов кружок прижимают к горлу банки и в месте соприкосновения крышки со стеклом наливают расплавленную смолку или битум. Смолка быстро застывает. Нужно только, чтобы крышка и края банки были совершенно сухими.

Овощи и фрукты можно консервировать в молочных бутылках или в больших трехлитровых бутылках, закупоривая их деревянными пробками, а потом заливая смолкой.

Смолку готовят из смеси: 20 частей битума, 50 частей нафтоли и 30 частей парафина — или: 70 частей битума, 25 частей воска и 5 частей парафина. Расплавливать (но не доводить до кипения) смолку или битум лучше всего в жестяной банке с оттянутым носиком и ручкой. Делать это надо осторожно, чтобы смолка не загорелась.

«Где им учиться?»

— Молодой человек, а почему вы так редко стрижетесь?
— У нас в школе комиссия редко бывает...
Рисунок Д. БЕЛОВА

— С сегодняшнего дня вы приступите к выполнению моих домашних заданий!
Рисунок Г. КОВАНОВА

Без слов...
Рисунок А. ГРУННА

Под таким заголовком во втором номере нашего журнала был опубликован материал, в котором рассказывалось о недостатках в организации обучения детей с дефектами слуха, о плохих условиях в Новозыбковской школе-интернате для слабослышащих детей, а также о нехватке преподавателей для специальных школ.

Заведующая Брянским областным промышленным отделом народного образования тов. Чернышева сообщила редакции, что сейчас в Новозыбковской школе-интернате делается пристройка к общежитию на 50 мест. Это поможет ликвидировать скученность в спальнях. Все микрофоны в классах исправлены, идет подготовка к оборудованию звукового кабинета. Строится новое здание школы-интерната на 200 мест.

Начальник отдела спецшкол Министерства просвещения РСФСР тов. Ровкова написала в редакцию, что в статье правильно подчеркивается необходимость улучшить обучение детей с недостатками слуха. В последние годы количество спецшкол и классов для глухих детей выросло. Министерством принимаются меры к обеспечению этих школ учителями со специальными дефектологическим образованием. Вновь открыты дефектологические факультеты в Свердловском и Иркутском педагогических институтах, значительно увеличился прием на факультеты дефектологии в Москве и Ленинграде. По окончании института учителя-дефектологи должны работать только в специальных школах. Они лишены теперь права преподавания в массовых школах.

Для повышения квалификации учителей и воспитателей спецшкол организованы межобластные курсы. Ежегодно около 350 человек знакомятся там с новейшими исследованиями по дефектологии, делятся опытом работы.

На этом можно было бы и закончить. Но в редакцию по-прежнему идут письма, в которых родители с тревогой говорят о том, что строительство Новозыбковской школы-интерната ведется очень медленно. Сначала ввод школы-интерната был намечен на 1963-й, затем — на 1964-й, потом этот срок перенесли на начало 1965—1966 учебного года. И, наконец, в письме в редакцию заведующая облоно тов. Чернышева уверяет, что строительство закончится лишь в 1966 году.

Новую школу ждут с нетерпением десятки ребят. Ждут сейчас, сегодня. И если Брянский исполком областного Совета депутатов трудящихся, строители УНР-647, общественность г. Новозыбкова проявят больше заботы о строительстве школы-интерната, сделают эту стройку объектом первоочередной важности, дети получат новую школу гораздо раньше.

1. Костюм спортивного типа из шерстяной ткани или из ткани с лавсаном очень подходит молодым девушкам. Прямой жакет без воротника позволяет носить блузки разных фасонов и свитеры. Юбка, расширенная книзу, отделана двойной декоративной строчкой.

2. Красиво выглядит шерстяная плиссированная юбка и шелковая блузка, украшенная жабо (оно может быть съёмным). В таком наряде можно пойти в театр или в гости. Надев с плиссированной юбкой более плотную блузку строгой спортивной формы, вы будете хорошо выглядеть на работе.

3. Новое по силуэту платье рекомендуем сделать для торжественных случаев. Оно может быть из шерстяной ткани спокойных тонов (серых, синих) или из бархата. Платье выглядит еще более нарядным с воротником и манжетами из белого пике. Оборочка на них может быть из тонкого кружева. Атласная лента-галстук прикрепляется брошкой на линии угла кокетки.

4. Незаменимы для отдыха и спортивных занятий брюки из шерстяной или плотной хлопчатобумажной ткани. К ним подойдет темная блузка-рубашка с белой декоративной строчкой.

5. В этом сезоне по-прежнему модны пальто, слегка расширенные книзу. В модели, которую мы предлагаем, воротник и шапочка — из заменителя кожи, но могут быть и из отделочной ткани, например, из шерстяной шотландки. На спинке пальто высокая шлица (разрез).

6. Удобен для каждодневной носки сарафан из полушерстяной ткани. К нему можно надевать различные блузки, гладкие или набивные, и свитеры.

7. Дома нужно быть тоже хорошо и со вкусом одетой. Рекомендуем сделать платье из хлопчатобумажной шотландки со съезной застежкой. Фарук и платочек — из яркого однотонного сатина или ситца. Аппликация на кармане из ткани платья придает фаруку нарядный вид.

Рисунки Н. ГОЛКОВОЙ.

На первой странице обложки: Они встретились в Москве, на Всесоюзном совещании-семинаре женщин-механизаторов. Слева направо: Майя Мурмамедова, механик-водитель хлопкоуборочной машины из туркменского колхоза «Совет», Райса Савкун — шофер колхоза «Родина» Запорожской области, Валентина Шейфер — трактористка совхоза имени М. Горького Актюбинской области.

Фото Н. Маторина и А. Шапиро.

На четвертой странице обложки: Узор для вышивания крестом.
Автор Е. Петрова.

К этому номеру дается бесплатное приложение: вязание кофточек и выкройки блузок.

Сапожки из синтетики

Русские сапожки сейчас в моде во всем мире. Но самыми модными будут сапожки не из кожи, а из синтетики. Их начал выпускать Калининский комбинат «Искож». Верх сапожен изготовлен из совмещенных полимеров — это смесь каучука, поливинилхлорида и синтетической смолы. Для такой

ножи не страшны сорокаградусные морозы. Сапожки красивее и эластичнее кожаных. Внутри они отделаны мехом, подошва пористая — специально для русской зимы.

В этом году будет выпущен первый миллион пар таких сапожен.

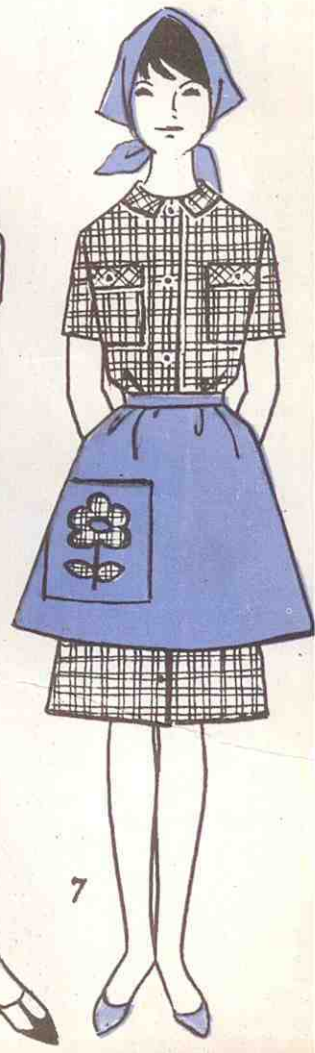
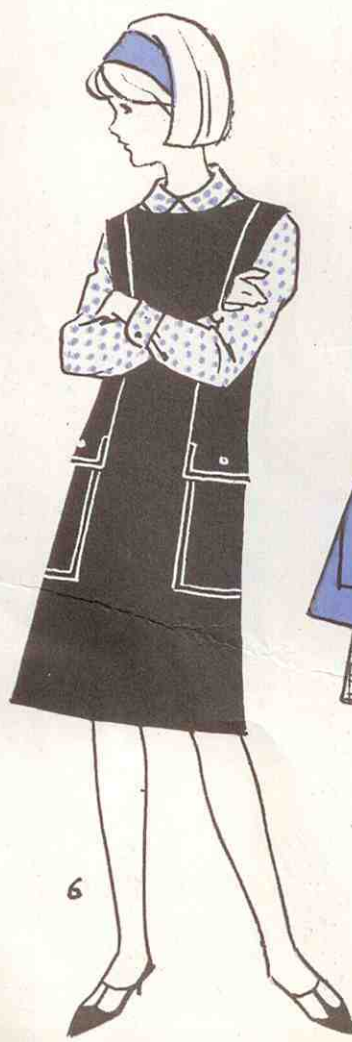
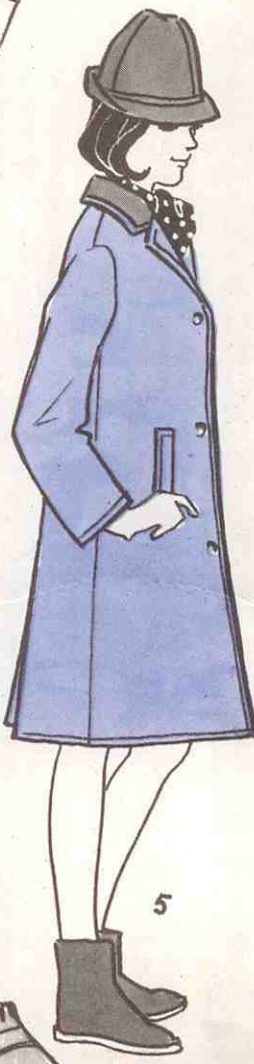
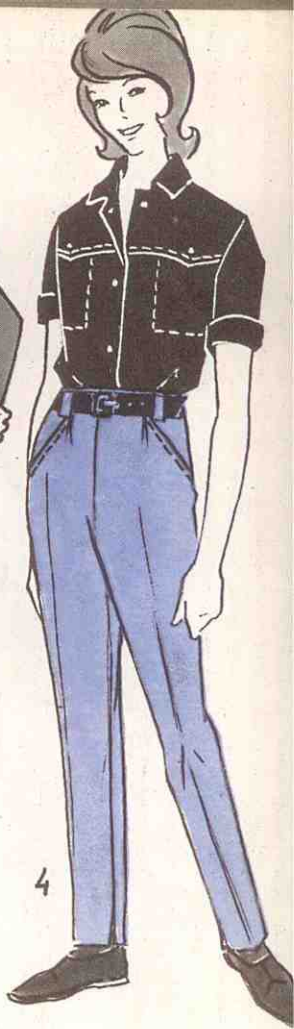
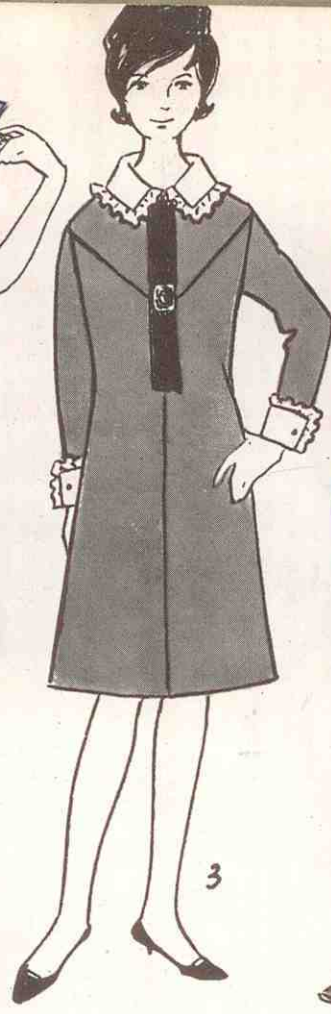
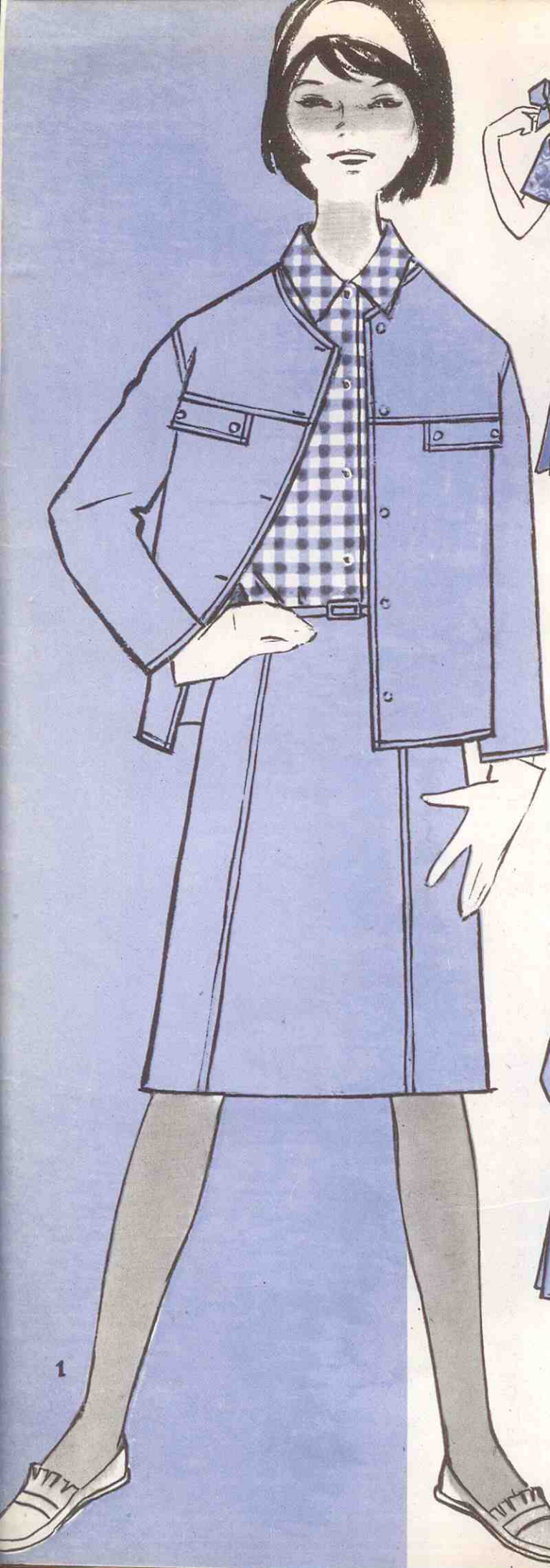
Адрес редакции:
МОСКВА, А-15, БУМАЖНЫЙ ПР., 14.
ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
промышленного — Д 3-35-69; международной жизни — Д 3-30-63; литературы и искусства — Д 3-30-63; семьи и быта — Д 3-38-15; художественного оформления — Д 3-34-79; писем — Д 3-34-15; зав. редакцией — Д 3-30-05.

Главный редактор В. Е. ВАВИЛИНА.
Редакционная коллегия:
Н. С. БЛАГОВЕЩЕНСКАЯ,
В. П. ВЫСОЦКИЙ, В. А. ГЕРАСИМОВА,
М. Н. КОЗЫРЕВА, Е. В. КОНОНЕНКО,
Е. Д. МИШИНА, А. А. СЕВЕРЬЯНОВА,
З. Н. ТИМОФЕЕВА [зам. главного редактора].

Оформление художника
Г. ГОРСТИНОЙ
Технический редактор
Т. ЖУРАВЛЕВА

А 00444. Подписано к печати 8/VIII-64 г.
Тираж 4 200 000 экз. Зак. № 2199.
Изд. № 1519. Формат бумаги 60x92/8.
2,75 бум. л. — 5,5 печ. л.

Ордена Ленина типография
газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 10 копеек

Индекс 70770

